

**Советская история
в зарубежной
историографии**

Andrea Graziozi

**THE GREAT SOVIET PEASANT WAR.
BOLSHEVIKS AND PEASANTS. 1917–1933**

HARVARD UNIVERSITY

1996

Андреа Грациози

**ВЕЛИКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ
ВОЙНА В СССР.**

БОЛЬШЕВИКИ И КРЕСТЬЯНЕ. 1917—1933

**Москва
РОССПЭН
2001**

Перевод с английского языка
Л.Ю.Пантиной

Грациози А.

Г 78 **Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933** / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 96 с.

Данный очерк представляет собой переработанный вариант лекции, прочитанной А.Грациози в марте 1995 г. в Гарвардском университете. Прослеживая далеко не мирное развитие отношений молодого Советского государства с основной частью его собственного населения — крестьянством, автор называет этот конфликт «величайшей европейской крестьянской войной» начала XX столетия. Он рисует хронологически последовательную картину этой войны, показывает ее истоки и последствия, а также трансформацию в ходе ее самого большевистского руководства. Считая войну с крестьянством симптомом и последствием социально-экономического и политического регресса, вызванного в Европе Первой мировой войной, автор в то же время указывает, что она была также самостоятельным источником регресса, и вскрывает парадоксальную близость сталинского режима к деспотизму прежних времен.

© Перевод — «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001

© The President and Fellows of Harvard College, 1996

ISBN 5-8243-0209-X

ВВЕДЕНИЕ*

В этом очерке я попытаюсь обрисовать в общих чертах важную составляющую того явления, которое получило название «Тридцатилетней войны» нашего столетия. В действительности следовало бы говорить «Сорокалетняя война», поскольку, на мой взгляд, правильными хронологическими рамками являются 1912 и 1956 годы¹. Это — события, формировавшие эпоху, по крайней мере для тех, кто пережил их, ибо, возможно, две-три сотни лет спустя люди будут считать по-настоящему важным и решающим то, что происходило тогда в Индии или Китае.

Рассматриваемый мною эпизод этой войны представляет собой великую драму в двух актах — 1918—1922 гг. и 1928—1933 гг. — конфликт новорожденного Советского государства с подавляющим большинством его собственного населения (в 1926 г. крестьяне и скотоводы-кочевники разных национальностей все еще составляли 82% жителей страны). Как мы увидим далее, можно утверждать, что война эта являлась продолжением конфронтации между крестьянством Импе-

---

*Это — переработанный вариант лекции, прочитанной в Гарвардском университете в марте 1995 г. Благодарю факультет истории Гарварда за приглашение, а Пола Бушковича, Марко Буттино, Михаила Конфино, Этторе Чиннеллу, Луку де Кап-рариса, Винченцо Джуру, Джима Хейнзена, Дэвида Ширера и Алессандро Станциани за их дружескую критику. Благодарю также русских друзей и работников архивов, помогавших мне в эти волнующие годы, Итальянский институт философских исследований — за щедрую поддержку, Гарвардский Украинский исследовательский институт, давший мне возможность опубликовать эти страницы впервые, а также издательство «РОССПЭН», благодаря которому они выйдут в свет в России на русском языке.

рии и Российским государством. Однако весной 1918 г. конфронтация приняла совершенно новые формы и вступила в иной этап своего развития, определивший события последующих десятилетий.

Полагаю, данный конфликт стал наиважнейшим фактором довоенной советской истории. Это была действительно *величайшая европейская крестьянская война* (понятие, возможно, заслуживающее критики, но, думаю, в нашем случае смысл его достаточно ясен²) современной эпохи, может быть даже, величайшая крестьянская война в европейской истории.

Чтобы доказать это, обратимся к весьма печальному и жестокому, но эффективному критерию: количеству ее жертв. Их было приблизительно 12—15 млн чел. — цифра неточная, скорее, указывающая на порядок величины, — если ограничиться теми, кто пал непосредственно в сражениях, погиб в результате репрессий и голода, следовавшего за каждым из двух главных этапов этой войны (надеюсь, в конце данного очерка станет ясно, почему сюда следует отнести хотя бы отчасти голод 1921—1922 гг. и полностью — голод 1932—1933 гг.). Число это возрастет, если учесть также все эпидемии и болезни, не только связанные с голодом. Из общего количества жертв примерно несколько сот тысяч погибли в боях и в результате репрессий в 1918—1922 гг.; 1—3 млн — во время голода 1921—1922 гг.; до 1 млн — в ходе высылки и репрессий в начале 30-х гг.; более 1 млн — при переводе на оседлый образ жизни кочевников Средней Азии (где по крайней мере еще 1 млн чел. погибли с 1917 по 1920 г.); 7—10 млн — в результате голода 1932—1933 гг. (см. табл. 3 и 4 ниже, с. 62, 63).

Хотя отдельным аспектам и периодам этой войны посвящено много исследований, никто, насколько мне известно, не изучал ее в целом. Практически никто, по-видимому, и не рассматривал ее как самостоятельное историческое явление. Это повлекло за собой ряд серьезных ошибок в интерпретации событий. Наиболее очевидны такие ошибки в исследованиях нэпа и

коллективизации, где ученых явно сбивало с верного пути пренебрежение первым актом драмы или неверное понимание его³.

Конечно, явление такого масштаба не может не быть крайне сложным. Фактически множество элементов, его составляющих, и проблем, им порожденных, сами по себе очень интересны и сложны. Это относится, например, к взаимосвязи данного конфликта с национальным вопросом или к его влиянию на психологическую и идеологическую эволюцию большевистского руководства.

Вот почему настоящий очерк может дать лишь беглый его обзор, причем придется многое принимать как данность (не в последнюю очередь потому, что многие отдельные эпизоды уже хорошо изучены), игнорируя некоторые важные события, в частности имевшие место в Средней Азии. Там режим вел против крестьян-мусульман и кочевников такую же войну, как и та, на которой я собираюсь сосредоточить свое внимание, но имелись и существенные отличия, поскольку конфликт в Средней Азии тут же приобрел явно различимые колониальные черты (иллюстрацией к этому утверждению может послужить тот факт, что «захват земли» осенью 1917 г. означал там присвоение имущества туземцев русским меньшинством)⁴.

Очерк представляет общую картину, а не подробную реконструкцию еще и потому, что эта война не была главным объектом моих исследований. Многие годы я работал над биографией Г.Л.Пятакова, одного из главных организаторов индустриализации в СССР⁵. Но как раз изучение его жизненного пути, охватывавшего годы с 1890 по 1937-й, позволило мне с известной легкостью ориентироваться в этом периоде, помогло увидеть его в целом и — надеюсь — подметить его ключевые проблемы.

Кроме того, изрядная доля удачи в архивных изысканиях — мне посчастливилось несколько раз — дала мне больше чем когда-либо материала, прояснявшего важные моменты этой войны и демонстрировавшего ее решающую роль. Я нашел такой материал в Архиве

Министерства иностранных дел Италии — по голоду 1932—1933 гг., в российском Государственном архиве (ГА РФ) — по Украине в 1919 г., в бывшем партийном архиве (теперь РГАСПИ) — по коллективизации⁶.

С другой стороны, новый, экстраординарный период, начавшийся для ученых нашей специальности с открытием бывших советских архивов, дал мне счастливую возможность увидеть результаты работы многих коллег, обсуждавших со мной свои находки и первые выводы⁷.

В результате настоящий очерк в значительной мере опирается на новые, опубликованные и неопубликованные, документы и работу многих, главным образом молодых, коллег. Однако считаю своим долгом заявить, что при несчетном количестве источников, печатавшихся в XX в., и общении между собой миллионов грамотных людей многие вещи на самом деле можно было узнать — по крайней мере в общих чертах — и до недавнего открытия бывших советских архивов. Это в особенности относится к годам гражданской войны, но есть также масса свидетельств из первых рук и документов о коллективизации и голоде 1932—1933 гг. Впрочем, за некоторыми блистательными исключениями, люди нашей профессии не пользовались этими возможностями. В частности, *не слушали жертв* и попросту *благоговели* перед официальными документами. Точно так же теперь мы рискуем распространить подобное не критическое отношение и на вновь появившиеся архивные источники, которые нередко принимаются за чистую монету — как будто историки за столетия не накопили огромный опыт того, как нужно подходить к архивам и их материалам.

По всем вышеуказанным причинам данный очерк не претендует на решающее слово по рассматриваемой теме. Я, скорее, надеюсь, что он побудит других моих коллег, может быть в порядке полемики, заняться вопросами, которым я не уделил должного внимания, и предложить собственные размышления о значении и последствиях этой войны и о проблемах, которые она породила.

Часть первая

ФОН

Общий фон нашей истории создавался, с одной стороны, силой и традициями Российского имперского государства, с другой — силой и автономным движением имперской деревни, особенно после 1861 г.

Рамки данного очерка не позволяют рассмотреть первое, однако о втором необходимо сказать несколько слов, поскольку за последние два десятилетия ряд исследований, посвященных великой реформе и ее последствиям, существенно изменили традиционную картину, с ее все беднеющими и беднеющими крестьянами, задавленными налогами и индустриальными проектами Витте. Хотя негативные стороны реформы и индустриализации «сверху», а также злые чувства и подлинные страдания, вызванные ими в деревне, нельзя отрицать и не следует недооценивать, мы имеем сейчас гораздо более ясную картину того, какая энергия и какой мощный импульс таились в освобожденном крестьянстве⁸.

Все заслуживающие доверия индикаторы указывают в том же направлении. С одной стороны, мы видим демографический взрыв, массовую скупку помещичьих земель⁹, рост производительности сельского хозяйства, жизненного уровня и дохода на душу населения у большинства крестьян.

С другой стороны, видим активное участие крестьян — *по их собственной инициативе* — в процессе модернизации. Об этом свидетельствуют положительное отношение к грамотности, бурное развитие кооперативов, число которых выросло с 1 600 в 1902 г. до 35 000 в 1915 г., деревенское происхождение большинства новых городских слоев — разумеется, рабочих, но и торговцев, и купцов (в Петербурге 1910 г.,

например, из 1 млн 900 тыс. жителей 1 млн 310 тыс. были крестьяне и бывшие крестьяне, а в Москве 1914 г. они составляли 82% населения). Эти недавно урбанизированные люди сохраняли со своими селами тесные связи: устойчивых городских трущоб в Российской империи было сравнительно мало, чрезвычайно часто совершались поездки из города в село и обратно и т.д.

В итоге накануне революции, когда почти 83% населения Империи еще проживало в сельской местности, деревня накопила огромную энергию, заключенную в традиционную, пирамидальную демографическую структуру Империи, с ее миллионами молодых людей преимущественно крестьянского происхождения.

Это накопление, однако, протекало, по крайней мере отчасти, в правовых, нормативных и культурных рамках так называемых «особых условий крестьянской социальной структуры».

Данные особенности с 80-х гг. поддерживались попытками государства «изолировать или сегрегировать российское крестьянство как от гражданского общества, так и от политического ядра... ради гарантии политической стабильности»¹⁰.

Эти усилия, которые не могли помешать активному участию крестьян в социальных процессах, имели парадоксальный результат: усиление автономного движения деревни. Они усилили также, несмотря на растущее влияние Партии социалистов-революционеров (ПСР) и наряду с ним, ощущение крестьянами своей «инакости» в политической сфере. М.Конфино отметил взаимное недоверие и вражду между крестьянами и государством как характерную черту российской истории. И хотя столыпинские реформы действительно некоторым образом проложили пути в деревню (многие крестьяне быстро научились использовать их к своей выгоде), до войны крестьянство по-прежнему отождествляло государство с налогами и военной

службой и считало его «чуждым организмом, глухим к их понятиям права и справедливости»¹¹.

Фактически, как я уже говорил, рассказ о конфронтации между государством и крестьянством можно вести от начала нашего столетия, от лавины мощных и неожиданных крестьянских восстаний 1902 г. в российской и украинской черноземной полосе. Многие из великих лидеров мятежей 1918—1921 гг. — от Махно до Антонова — впервые появились на сцене в 1905—1907 гг., а украинское ПУ в 1930 г. отмечало, что сопротивление коллективизации часто возглавляют те же села, которые отличились в 1905 г. или дали до 1917 г. необычайно высокую долю социалистических кадров¹².

Взаимосвязь между тем, что проф. Данилов назвал русской аграрной революцией 1902—1922 гг., и тем, что я предлагаю называть крестьянской войной в СССР 1918—1933 г., представляет собой поэтому многообещающее поле для исследования¹³.

Еще более вероятным кажется, что те, кто остался на обочине бесспорного социально-экономического прогресса, инициированного реформами, сотни тысяч безземельных озлобленных крестьян, скитающихся на просторах империи, поставляли — как пишет Данилов — рекрутов в «армию нового социального взрыва», спровоцированного мировой войной.

«Плебейская» жестокость взрыва может объясняться предварительной маргинализацией этих людей. Однако она имеет и более глубокие корни. Несмотря на то что нельзя отрицать быструю эволюцию сельского мира накануне 1914 г., необходимо все же добавить, что там *по-прежнему сохранялось крепкое ядро первобытной дикости*, реалистически изображенное в повестях Бунина. Вспомним, к примеру, его суходольцев, «шутки ради *заживо* освежевавших помещичьего быка»¹⁴. Очевидно, сильные социальные сдвиги высвободили эту «первобытность», и многие крестьяне вели себя подобно своим предкам, шедшим за Разным или Булавиным.

Таков общий фон, на который мы должны наложить Первую мировую войну — ее, как генезис вышеупомянутой Сорокалетней войны, можно считать наиболее важным событием века. Ряд лучших мыслителей Европы — на ум сразу приходят Кроче или Мейнеке, однако можно вспомнить и многих других, в том числе немало русских, — тут же объявили эту войну причиной катастрофического «регресса»¹⁵ в европейской экономике и европейском обществе. Многим казалось, что сбываются мрачные предчувствия Спенсера о возможном движении истории назад, к так называемым «военным» государствам и обществам, в случае затяжных вооруженных конфликтов¹⁶.

Я хотел бы подчеркнуть *общую варваризацию* поведения как «масс», так и *верхушки* и *экономическое движение назад*, вызванные данным регрессом. Последнее имело место как на макроэкономическом, так и на микроэкономическом уровне. Например, параллельно с общим усилением экономической роли государства обширные сельские районы, особенно в Восточной Европе, возвращались к практике натурального хозяйства.

Движение назад происходило и на идеологическом уровне. Вера в превосходство государства — т.е. силы — и в экономической, и в социальной сферах разделялась многими и распространилась, пусть по-разному и в разной степени, далеко за пределы социалистических и традиционных бюрократических кругов, приведя к тому, что Э.Алеви в 1936 г. назвал «*étatisation de la pensée*» (огосударствление мысли). Тут легко привести множество примеров и цитат и вспомнить имена Ратенау, Мосли, Кейнса и многих американцев, участвовавших в организации военных действий, а затем ставших крупными лидерами Нового курса. Можно также добавить, что вера в государство и в силу зачастую шла рука об руку с культом отдельных личностей, в которых видели воплощение этих двух принципов или которые выдавали себя за таковое.

Часть вторая

УВЕРТЮРА, 1917

Вернемся в Россию конца 1917 г. То были месяцы, когда кризис, вызванный войной, получил в бывшей Российской империи *парадоксальное разрешение*: народная (кое-кто говорит — плебейская¹⁷) революция, с сильными антиавторитарными и антигосударственными чертами, привела к власти самую этактистскую политическую группу в стране. Причины этого до сих пор привлекают внимание историков и заставляют строить различные предположения. Но, разумеется, то, что Плеханов называл «ролью личности в истории», в данном случае — личности Ленина, сыграло здесь далеко не последнюю роль.

Этот парадокс воплотился в *двух большевизмах*, существовавших в конце 1917 — начале 1918 г.

С одной стороны, был большевизм крестьян и солдат, зачастую — крестьян-солдат, хотя также и крестьян-рабочих (и даже многих городских рабочих, на чем я не могу останавливаться подробнее в данном очерке)¹⁸.

Три года войны обострили отношение деревни к государству и правящим классам как к чуждым силам. Вскоре после того, как война началась, практически исчез сельскохозяйственный кредит. Наряду с призывом в армию многих специалистов-агрономов это положило конец мелиорации земель и, тем самым, эволюции, которую ускорили столыпинские реформы. В то же время на деревню все тяжелее ложилось бремя призыва на войну мужчин (к 1917 г. в Европейской России было мобилизовано почти 40% крестьян мужского пола и трудоспособного возраста), гибели их, принудительных поставок (введенных уже в 1916—1917 гг.), инфляции и налогов¹⁹. При этом по-

стоянные поражения подрывали престиж имперского Российского государства и показывали его вопиющую слабость.

Когда государство вступило в последнюю стадию своего распада, крестьяне тут же взяли инициативу в собственные руки. Программа их была проста: минимальный гнет со стороны государства и минимальное его присутствие в деревне, мир и земля, о черном переделе которой грезил поколения крестьян.

Они почти совершенно перестали платить налоги и сдавать поставки государственным уполномоченным. Все больше молодых людей не являлись на призывные пункты, многие солдаты стали дезертировать. Сверх того, за несколько месяцев крестьяне разрушили еще оставшиеся помещичьи имения, уничтожили владения буржуазии, а также большинство ферм, созданных в ходе столыпинских реформ.

Земли крестьяне распределили между собой не так уж и много, особенно в сравнении с тем, что они уже имели, однако в среднем все же получилось до десятины на двор, причем бедным семьям при переделе отдавалось предпочтение. Это положило начало явлению, вскоре получившему название «среднякизации» деревни, т.е. тенденции к относительной гомогенизации ее социальной структуры, подкрепленной происходившим одновременно и в связи с ней ускорением процесса дезинтеграции традиционной многоядерной крестьянской семьи²⁰.

Методы, которыми данная программа проводилась в жизнь, были зачастую весьма жестоки. Благодаря в том числе и войне, возродилось и окрепло упомянутое выше первобытное ядро: не случайно первые и наиболее мощные проявления насилия имели место вблизи линии фронта. Повсюду первыми приняли на себя удар имения помещиков и чиновников, а также владения вдов и одиноких женщин, священников «чужих» религий и людей с нерусскими именами. Разумеется, не пощадили и городскую собственность евреев.

На нерусских окраинах империи, особенно близких к фронту, эти особенности проявились еще отчетливее. Судя по воспоминаниям некоторых современников, можно сделать вывод, что в тех местах «плебейский большевизм» немедленно стал демонстрировать явные «национал-большевистские» черты²¹. Лидер украинского Бунда, например, отмечал, что на Украине, где «помещик был русский или поляк, а банкир, промышленник или купец чаще всего — еврей», лозунг «Геть панов» легко было превратить в «Геть ляхов, геть москалей, геть жидов», пусть даже это не везде происходило автоматически, а подавляющее большинство еврейского населения в действительности жило очень бедно²².

Эти районы представляли собой идеальную питательную среду для стихийного зарождения всевозможных разновидностей деревенского «национал-социализма». Однако не следует упускать из виду серьезные противоречия, подрывавшие связь между крестьянами и национализмом. Эту связь считали, начиная с Гердера, поистине фундаментальной. Но в нашем случае мы скоро увидим — скажем, на примере той же Украины — всю ее слабость²³.

Второй большевизм был «истинным», т.е. большевизмом немногочисленной, но весьма деятельной политической элиты, состоявшей из нескольких интеллигентов и крепкого ядра *практиков* — о которых с гордостью говорил позднее Сталин — выходцев из народа, имевших небольшое или неформальное образование.

Наиболее яркими чертами этой элиты являлись ее поразительная агрессивность и несомненные способности, главным образом к государственному строительству²⁴. Эти способности, которые нельзя автоматически объяснить радикальным этатизмом оригинальной большевистской идеологии, явились одним из главных сюрпризов после 1917 г. Чтобы получить представление об их уровне, можно вспомнить чрезвычайную «восприимчивость», выказанную большеви-

ками в ходе построения и защиты своего нового государства. В отличие от своих антагонистов, они тогда готовы были использовать любой имеющийся материал и хвататься за любую подвернувшуюся возможность.

Классическим примером может служить то, как Ленин, чтобы захватить власть, присвоил «реакционную» аграрную программу эсеров, а Троцкий использовал бывших царских офицеров, которых, как известно, в конце концов в Красной армии оказалось гораздо больше, чем в Белой²⁵.

Столь же, если не более, важное значение приобрело всемерное выдвижение кадров из народа, позволявшее черпать ресурсы среди масс населения, чего не хотели и не могли делать белые. Именно этим путем плебейская революция, тот первый большевизм, о котором я говорил, проникла в структуры власти и оставила на них свой отпечаток. Нужно добавить, что, учитывая существовавшие условия, такой подъем естественной народной верхушки регулировался механизмами, выводившими на первое место наиболее агрессивные и решительные элементы (см. ниже о том, что происходило в деревне).

Почти такое же влияние оказали поспешные и беспринципные усилия поставить себе на службу национальные противоречия и правило «разделяй и властвуй». Иллюстрацией может служить широкомасштабное использование латышей и бывших военнопленных при подавлении местных восстаний. Еще большее впечатление производит то, что уже в феврале 1918 г. армянские отряды (следует вспомнить, какую трагедию армяне пережили незадолго перед тем) были брошены на сокрушение мусульманского Коканда и его антибольшевистского правительства²⁶. Вскоре после этого большевики станут сотрудничать с некоторыми из тех, кто был ответствен за геноцид армян в 1915 г.

Отношения между истинным и плебейским большевизмом претерпели быструю эволюцию. Очень скоро новое «Советское» государство (кавычки здесь следу-

ет поставить потому, что — как мы вскоре увидим — по крайней мере в России свободные советы были уничтожены в кратчайший срок) вступило в вооруженный конфликт с массами, которые, по идее, должны были его поддерживать и среди которых оно по-прежнему черпало свои кадры.

Отношение Горького к большевикам — хороший показатель этой эволюции, о чем будет несколько больше сказано в заключении. Как известно, сначала Горький резко осуждал новый режим как раз за то, что он сорвал с примитивной «азиатской» сути Российской империи тонкий покров западной цивилизации, с такими трудами создававшийся в предыдущие десятилетия. Однако несколько месяцев спустя, продолжая критиковать новое правительство, когда считал это необходимым, он изменил свое мнение, заметив, что партия твердо намерена обуздать «азиатские орды» и фактически является единственной силой, достаточно умелой и безжалостной, чтобы сделать это (перед Горьким тогда встала задача «повлиять» на новую власть, способствуя становлению ее взаимоотношений с «западной» культурой и интеллигенцией)²⁷.

Часть третья

АКТ ПЕРВЫЙ, 1918—1922

Первый акт войны между новым режимом и крестьянством имел отчетливо выраженные общие черты, несмотря на различную хронологию и некоторые местные особенности, на всех главных «фронтах»: в Европейской России, на Украине, в Сибири, казачьих землях и Средней Азии.

К несчастью, у нас нет ясной картины решающих месяцев между концом 1917 и концом 1918 г. в российской деревне²⁸. Это особенно достойно сожаления потому, что то был период, когда новый режим, восстанавливая власть и гнет централизованного государства в сердце России, закладывал основы своего будущего существования.

Традиционная точка зрения, согласно которой новый конфликт государства и крестьян вспыхнул собственно в России весной 1918 г., с началом массовой кампании продразверсток, сопровождавшихся зверствами, ставшими вскоре обычной процедурой (мы обнаружим аналогичные сообщения в сводках ОГПУ 1930 г.), кажется мне по-прежнему верной.

Впрочем, зерно не было единственной целью войны: в самой ее основе лежала вышеупомянутая попытка большевиков вновь навязать присутствие государства только что освободившемуся от него крестьянству. Это не означает, что крестьяне в принципе были против государственной власти любого рода. Но, как свидетельствовали новые попытки реквизиций и централизации, в некоторых важнейших сферах новое государство готово было идти по стопам своего предшественника с гораздо большими амбициями и энергией. В то же время большевистское государство показало крестьянам, в частности своими программами коллек-

тивизации и антирелигиозной борьбы, и свою готовность бросить новый вызов надеждам и устремлениям деревни. Фактически оно стало вскоре, говоря словами Пастернака, «сверхгосударством» особого и довольно примитивного типа²⁹.

Одним из орудий утверждения государственной власти служили комитеты бедноты (комбеды). Большевики использовали их, чтобы разрушить единство сельского мира, играя на внутренних разногласиях, несомненно существовавших, хотя и не носивших классового характера. Хорошую возможность им предоставило также возвращение после Брест-Литовского мира новой волны бывших солдат, заинтересованных в том, чтобы пересмотреть раздел земли, проведенный в их отсутствие.

Комбеды пригодились также для осуществления попытки принудительной коллективизации в 1918 г. и ликвидации местных советов, избранных в 1917 г., имевших, как правило, эсеровскую ориентацию и находившихся под контролем крестьянской верхушки, взращенной во времена царизма. Конечно, эта верхушка не сдалась без боя: поддержанная крестьянскими массами, озлобленными реквизициями, она возглавила ряд восстаний, принимавших порой значительные масштабы и достигших своей кульминации осенью³⁰.

Я полагаю, Френкин верно определил аграрную политику большевиков в 1918 г. как первую контрреволюционную операцию, успешно проведенную после 1917 г. Можно добавить, что благодаря этой политике большевики, не имевшие никакой опоры в деревне, смогли приступить к формированию в селах слоя «верных». Они добились своего, посылая обратно в село на важные должности недавно урбанизовавшиеся кадры, отобранные партией в предыдущие месяцы.

Учитывая стоящие перед ними задачи, эти активисты вынуждены были прибегать к казням (вспомним реквизиции и методы их проведения), а учитывая не-

которые психологические рычаги, применявшиеся, чтобы мобилизовать их (жажда власти, зависть, доля при разделе добычи), не стоит удивляться, обнаружив, что новый слой «сельских правителей» скоро приобрел весьма специфические черты. Пользуясь словами, которые можно найти во многих большевистских документах, преданность делу (точнее, новому государству) и несомненные оперативные способности у них зачастую шли рука об руку с неразвитым политическим или культурным сознанием, карьеризмом и такими «традиционными» чертами поведения, как грубость с подчиненными, алкоголизм, фаворитизм; сплочение в камарильи, создание семейных клик и т.д. Мы встречаемся здесь с одним из главных каналов вышеупомянутого проникновения плебейской революции и ее «духа» в новые структуры власти.

С удивительным постоянством отмечалось присутствие ярко выраженного криминального элемента: в тех же самых документах можно прочесть о районных руководителях, убежденных, будто партия, «как заботливая мать», простит им их «проступки, даже криминального характера», и о местных активистах, в особенности членах комбедов, которые «брали взятки, пили самогон, допускали игру в карты, реквизировали для себя» и вообще «относились к имуществу граждан как к имуществу завоеванных врагов»³¹.

Пока в Европейской России творилось подобное, Сибирь все еще находилась в руках эсеров и потому оставалась сравнительно незатронутой конфликтом государства и крестьян (хотя там были восстания против воинской обязанности, например в Славгороде). Тем временем в Средней Азии разгоралась борьба между очень незначительным русским меньшинством, поддерживаемым армией, и мусульманским миром.

На Украине же через несколько недель после вторжения немцев пришел к власти режим Скоропадского. Это правительство пользовалось поддержкой традиционной элиты собственников и подвергалось сильному давлению со стороны Германии и Австро-Венгрии,

стремившихся выкачать как можно больше сырья и продовольствия, что повлекло за собой жесткую антикрестьянскую политику³². Вопрос о собственности на землю, захваченную крестьянами в предыдущие месяцы, был вновь открыт. Наряду с этим продовольственные реквизиции и карательные экспедиции, проводимые чужеземными войсками — казачьими, русскими, германскими, венгерскими и т.д., — усиливали враждебные настроения и сопротивление среди крестьян³³.

Эту вражду обостряло одновременное усиление, по выражению Троцкого, «колониального» характера украинских городов. В отличие от России, городское население Украины вплоть до 1919 г. росло за счет приезда как русских, бегущих из занятых большевиками областей, так и местных помещиков, изгнанных крестьянами из своих имений. За последними тянулись и еврейские семьи, традиционно кормившиеся при этих имениях.

В таких условиях поздней весной 1918 г., когда российская деревня начинала ощущать на себе политику нового режима, на Украине зародилось чрезвычайно интересное социальное явление. Там развернулось *первое*, за исключением, пожалуй, лишь происходившей в то же время мексиканской революции, *крестьянское национально-социалистическое освободительное движение* нашего столетия, видевшего столь много подобных движений. Разумеется, поскольку оно было первым и в связи с чисто украинской спецификой, черты его носили порой неоднозначный, но все же достаточно ярко выраженный характер.

Ни большинство украинских национальных партий³⁴, в конце года пришедших с помощью этого движения к власти, ни местные большевики не поняли природу данного явления. В особенности последние, в большинстве своем русские или евреи, по национальным и идеологическим соображениям придерживались еще более твердой антикрестьянской позиции, чем сам

Ленин. Однако, парадоксальным образом, ряд обстоятельств дал им возможность стать лидерами украинского сельского национального и социального освободительного движения. В числе этих обстоятельств можно назвать ленинские декреты о земле и мире, престиж, завоеванный советами в начале 1918 г., и возглавленное большевиками в марте антигерманское сопротивление. К тому же, изолированная в результате германской оккупации, украинская деревня ничего не знала о большевистских реквизициях и комбедах. Не знала она и того, что в то время, как КП(б)У призывала ко всеобщему восстанию против немецких реквизиционных отрядов, Москва предлагала Берлину заключить соглашение об этих самых реквизициях в обмен на свою долю добычи.

Таким образом, на Украине двусмысленная ситуация конца 1917 г. (т.е. внешнее совпадение интересов и целей двух большевизмов того времени), отнюдь не разрешившись, как произошло в России, не только просуществовала весь 1918 год, но даже укрепилась в течение этого периода³⁵.

1919 год начался с проникновения большевиков на Дон, который — помимо всего прочего из-за успешного мятежа в предыдущем году, восстановившего традиционное правление казачьей верхушки, — Москва считала российской Вандеей. Чтобы предотвратить проблемы в будущем, большевики начали проводить, как выразился в письме Центральному Комитету один из их лидеров Рейнгольд, «политику массового истребления без всякого разбора». Кажется, одна только армия Сокольников за несколько недель расстреляла около 8 000 чел., а ведь Сокольников был ненавистным предводителем «умеренных», против «проказахьей» ориентации которых радикалы из Донбуро партии потом вели яростную борьбу.

В середине марта так называемое расказачивание вызвало крупное восстание, по своему характеру значительно отличавшееся от восстания 1918 г. (хотя и в 1918 г. там имелись такие элементы, которые трудно

было бы отнести к «правым»). На этот раз восстание началось на Верхнем Дону, где двумя месяцами раньше традиционно более просоветское казачество открыло Дон для Красной армии. Оно имело советскую, но, конечно, антикоммунистическую программу³⁶ и пользовалось поддержкой части крестьян-неказаков. Репрессивные меры против него были особенно жестокими, и казачьи земли — в том числе Кубань — стали, таким образом, одним из самых важных и самых ужасных театров войны между государством и деревней — и оставались таковым вплоть до голода 1933 г.³⁷

В России, где комбеды были ликвидированы в конце 1918 г. из-за возбуждаемой ими в селах злобы, а также из-за вызванных их деятельностью (несмотря на то что Москва достигла с ее помощью некоторых своих целей) опасений относительно истинной степени контроля над ними партии³⁸, 1919 год начался решением Ленина искать примирения с «средняком».

Многим это показалось чересчур неожиданным поворотом после того, как в партии месяцами широко распространялись слухи о сожалениях Ленина по поводу его «прокрестьянских» действий в конце 1917 г. Многие партийные лидеры открыто заявляли, что поддержка Лениным передела земли явилась главной причиной, вызвавшей необходимость реквизиций и тем самым стычки с крестьянами. Только обширный коллективизированный сектор — добавляли они, проталкивая идею коллективизации, — гарантирует новому государству независимость от мелких крестьянских хозяйств в вопросах снабжения³⁹.

Размышления о социальных процессах, питаемых переделом земли в деревне (уже упоминавшейся середнякизации), и давнюю — хотя и не выражавшуюся открыто — неуверенность относительно характера революции 1917 г. и порожденного ею строя можно назвать в числе идеологических корней новой политики Ленина. Однако к жизни ее вызвали вполне практические соображения.

С одной стороны, конец войны и ноябрьская «революция» в Германии, казалось, открывали дорогу европейской революции, от которой большевистские лидеры с тревогой ждали легализации пост фактум октябрьского переворота. Но, как неустанно повторял Радек, «мостом, через который идет европейская революция», являлась крестьянская революция на Украине, в Румынии, Болгарии и Венгрии. Это делало политику примирения с деревней настоятельно необходимой⁴⁰.

С другой стороны, недавнее решение ввести всеобщую воинскую обязанность, чтобы выставить многомиллионную и, следовательно, главным образом крестьянскую армию против белых, диктовало необходимость завоевать симпатии или, по крайней мере, доброжелательный нейтралитет новых солдат-крестьян.

VIII съезд партии в марте 1919 г. в конце концов одобрил ленинскую линию на *смычку* с середняком⁴¹. Несмотря на это, продрозверстки — продолжение которых было жизненно важно для существования режима — и введение всеобщей воинской обязанности вызвали в следующие месяцы ряд новых восстаний. Они породили также более или менее политический и/или криминальный «бандитизм», взрыву которого способствовали условия, сложившиеся в стране.

Ответ крестьян на введение всеобщей воинской обязанности (т.е. массовое дезертирство) обеспечивал ресурсы для обоих этих явлений. Как было подсчитано, в 1919 г. в сельской местности бродило почти 1,5 млн дезертиров, а во второй половине этого года дезертировало до 200 000 чел. *в месяц*. И это только в районах, контролируемых большевиками. Дезертиры, часто называвшие себя «зелеными» (хотя движение «зеленых» представляло собой явление гораздо более сложное), фактически были естественным источником появления повстанческих банд. Они сосредоточивались между Волгой и Уралом, и там их мятежи в начале 1919 г. открыли дорогу Колчаку. Во втором

полугодии, наоборот, поражение белых открыло дорогу московским продотрядам в Западную Сибирь. До сих пор не затронутые большевистскими подразделениями, эти области — после ноябрьского переворота 1918 г. — были театром антиколчаковской борьбы и районом сильного партизанского движения «социалистически-революционного» (т.е. плебейско-большевистского) духа⁴².

На Украине 1919 год стал годом запоздалого взрыва двусмысленной ситуации 1917 г. Именно потому, что запоздалый, взрыв этот был особенно мощным. А в силу национальных факторов он приобрел весьма специфические, и зачастую неприятные, черты. Разгоравшийся пожар поддерживали силы и оружие, накопленные крестьянами в ходе партизанской войны 1918 г. против оккупационных армий, а также политика большевистских правительств. Фактически и Пятаков, и Раковский выступали за поголовную русификацию и старались продвинуть вперед попытки коллективизации, от которых отказалась Россия.

Весной и летом 1919 г. упомянутое нами сельское национально-освободительное движение обрушилось на тех самых большевиков, которых оно в январе привело к власти, помогая им разгромить Петлюру (как справедливо заметил Христюк, Украина была тогда театром украинской гражданской войны, сочетавшейся с российскими конфликтами, осложнявшей их и, в свою очередь, осложнявшей ими).

В июле, когда, по словам Раковского, за 20 дней произошло более 200 мятежей, это движение достигло своего второго апогея (первый, в декабре 1918 г., совпал с падением Скоропадского)⁴³. Хорошо известно, что эти мятежи, а чаще отдельные акции повстанческих банд, сопровождалась жестокими еврейскими погромами. В некоторых из них активную роль играло русское городское население, а в последующие недели деникинские войска устроили новую бойню. Однако по крайней мере в случаях погромов, совершаемых народом, крестьянами, мы имеем дело, как я полагаю,

с последствиями взрыва вышеупомянутого стихийного «национал-социализма» в условиях общего регресса и варваризации⁴⁴.

В августе большевики потерпели поражение. Тогда украинские партизаны и крестьяне обратили свою ярость против Деникина, который сумел завоевать Украину, отчасти благодаря ошибочной политике большевиков в отношении их собственной партизанской армии и «дырам», возникшим в линии фронта красных после мятежа Григорьева и преследования Махно⁴⁵.

Часто заявлялось, что крестьянские мятежи 1918 — 1919 гг. не имели единой программы и что движения в деревне вообще изначально не способны разработать какую-либо программу. Но несмотря на то что мы действительно встречаемся здесь с сильными национальными и региональными различиями, так же как и с множеством различных идеологических оттенков, коренящихся в особенностях мировоззрения крестьянских лидеров и атаманов, тот факт, что села выдвигали тогда ряд требований, демонстрирующих поразительную однородность, кажется мне неоспоримым. Основными пунктами этой общей «программы» являлись следующие:

а) Черный передел. В России он нередко проводился крестьянской общиной, которая, таким образом, обрела новую жизнь. На Украине или в Сибири это дело брали на себя крестьянские сходы и другие традиционные институты.

б) Конец продрозверсток и монополии государства на зерно и другие продукты питания, возвращение к свободному рынку. Как это ни покажется странным, однако в те дни крестьянские восстания проходили под знаменем свободной торговли. Правда, как правило, речь шла о *местном* рынке⁴⁶. Крестьяне по-прежнему решительно выступали против «чужих» «спекуляций» и «спекулянтов», проводя различие, прекрасно совпадающее с тем, которое проводит между рын-

ками и капитализмами Бродель в своей книге «Les jeux de l'échange».

в) Свободные советы, т.е. самоуправление. Это везде означало советы без коммунистов. В бывшей черте оседлости к списку добавлялись евреи и моска-ли. Чрезвычайная популярность этого лозунга уже в 1919 г. (а антибольшевистски настроенные казаки были «просоветски» настроены уже в 1918 г.) показывает, что в 1918—1919 гг. советский миф обрел прочную опору в деревне (его привлекательность, возможно, заключалась в идее самостоятельного принятия решений — например, по вопросам мира и земли, — связывавшейся с советами после Октября). Главные исключения представляли собой Западная Сибирь и Урал, где в 1919 г. вновь звучали лозунги в поддержку Учредительного собрания, а также Тамбов, где Антонов сражался за него даже в 1921 г.

г) Никаких совхозов и коммун, навязанных сверху (о крестьянских общинах, конечно, речь не шла). Этот принцип звучал также как «нет» национализации земли и «да» — ее социализации. Первое часто отождествлялось с введением нового крепостного права, а второе, как правило, представляло собой не что иное, как другое название черного передела. Ненависть крестьян к большевистским коммунам была действительно столь острой, что сам термин «коммуния» оказался вычеркнут из общепринятого политического языка.

д) Уважение религии, местных и национальных обычаев и традиций.

Данную программу, особенно в ее социально-экономической части, можно назвать «эсеровской». Это не значит, однако, что она являлась прямым и точным выражением требований ПСР, которые, прежде всего, не включали требования свободных советов, или что ПСР — как политическая организация — руководила крестьянским повстанческим движением. Судя по донесениям ВЧК, скорее можно сказать, что эта программа выражала общую эсеровскую идеологию (эсе-

ровщину), преобладавшую тогда в российской, сибирской и украинской народной, а зачастую и интеллигентской, среде⁴⁷.

Исключительная жестокость и склонность к насилию, проявленные всеми сторонами, — еще одна важная черта тех событий (говоря так, не следует забывать о том, кто являлся агрессором — как вообще, так и в каждом конкретном случае).

Крестьяне и вооруженные банды — часто имевшие собственные «особые подразделения» — творили дикие зверства, прообразом которых явились еще еврейские погромы, с их поистине средневековыми пытками, что лишний раз подтверждало всю глубину пронизательности Бунина и реальность регресса, вызванного войной и последующими гражданскими и национальными конфликтами.

Другая сторона (в нашем случае большевики, но и белые от них не отставали, а зачастую даже вели в игре), помимо систематических пыток, применявшихся ради того, чтобы добыть зерно, воскресила даже массовые порки à la Аракчеев, о которых с гневом писали еще Герцен и Салтыков-Щедрин. В соответствии с духом времени и практикой Первой мировой войны порки сопровождалась уничтожением целых деревень (объявлявшихся «бандитскими гнездами»); расстрелами заложников (родственников предполагаемых «бандитов»); казнями каждого десятого из взрослых мужчин (Колегаев, бывший эсеровский нарком земледелия, отправленный вместе с Раковским в начале 1919 г. на Украину, впоследствии член Реввоенсовета Южного фронта, требовал провести на Дону «процентный расстрел взрослого мужского населения»⁴⁸); массовыми актами возмездия. За гибель одного коммуниста нередко грозили расстрелять десятки, если не сотни крестьян, и порой угроза приводилась в исполнение.

Своего пика эта свирепость, если вновь не принимать во внимание Среднюю Азию, достигла в районе так называемого Южного фронта: на востоке и юге

Украины, на Дону и Северном Кавказе⁴⁹. Здесь наверняка сыграл свою роль тот факт, что данные места являлись основными хлебородными районами и, следовательно, подвергались особенно безжалостным реквизициям, однако еще важнее было влияние национального фактора.

Уже упоминавшаяся эволюция большевистского руководства, в связи с творившимся насилием и в результате его, шла в этих районах гораздо более высокими темпами. В такой среде, где антагонизм между новым режимом и огромным большинством местного населения был особенно острым, кооптация элементов из народа, почти или совсем не обремененных идеологическим багажом, зато готовых делать все, что от них требуется, вскоре приобрела весьма специфические черты. Еще один, далеко не второстепенный «фактор» предопределил это: Сталин. Будучи наркомом по делам национальностей, т.е. ведая нероссийскими территориями, и наиболее авторитетным членом Реввоенсовета Южного фронта, Сталин на месте руководил вышеупомянутым процессом отбора. Плодами его стали ворошиловы, буденные и евдокимовы (имеется в виду Е.Г.Евдокимов, отец той «Северокавказской школы ГПУ», которая, в свою очередь, явилась самой главной матрицей для штамповки палачей эпохи Большого Террора и их методов) — личности, зачастую совершенно аморальные⁵⁰.

Эти люди сыграли фундаментальную роль в формировании сталинского окружения и его методов. Конечно, личное окружение появилось затем и у других видных лидеров, например Троцкого, но оно было менее многочисленным и сплоченным по ряду причин, в которые мы не можем здесь вдаваться⁵¹.

Очень скоро слово «дружина», возвращающее нас к процессам государственного строительства в эпохи, на первый взгляд давно ушедшие в прошлое, стало казаться мне самым подходящим для наименования данного явления. Как я полагал, сами реалии того времени вполне оправдывали подобное название⁵².

Позднее я обнаружил вдобавок, что эти протосталинисты в частных письмах обычно обращались друг к другу «друг», сохраняя за Сталиным звание «нашего главного друга». Это только слова, и они не могут служить доказательством какой-либо гипотезы, но, должен признаться, такое открытие поразило и порадовало меня⁵³.

Стоит также отметить, что многие средние и низшие кадры этой «дружины» происходили из городских центров Донбасса, о «колониальном» характере которых уже говорилось. Весной 1918 г. красногвардейцы Луганска, Харькова, Екатеринослава и Макеевки под предводительством Ворошилова отступили перед немцами на восток. Они остановились в Царицыне, где сформировалось ядро той 10-й армии, которая — как не преминул заметить Троцкий — дала Сталину целый ряд верных приспешников.

Как свидетельствуют сводки, которые ВЧК стала периодически готовить для большевистского руководства⁵⁴, в 1920 г. исчезновение белой опасности (которую ощущало как таковую и огромное большинство сельского населения) и крайне непопулярная политика милитаризации, проводимая партией, вызвали взрыв вышеупомянутой «эсеровщины». Думаю, можно с уверенностью утверждать, что затем произошло величайшее крестьянское восстание со времен Пугачева. Оно достигло кульминации в начале 1921 г. и было подавлено лишь годом позже.

Различия между Россией, Украиной, Сибирью и казачьими районами снова оказались весьма значительными. Для них имелся ряд причин, от событий предыдущих лет — истощивших одни области и сравнительно мало затронувших другие — до расхождений в политике самих большевиков. В России, например, продразверстка накладывалась на все село целиком, что вызывало единодушную реакцию с его стороны. На Украине же правительство опять прибегло к помощи комбедов, чтобы разрушить сельский мир, в

который большевики пока не имели возможности проникнуть.

Думаю, сочетание этих факторов поможет объяснить и яростные сражения на Украине, где зачастую большинство села натравливалось на меньшинство, и относительную слабость украинского движения в целом в сравнении, например, с западносибирским, выросшим, как и первое, из партизанской борьбы 1918—1919 гг. (чтобы понять причины этой слабости, достаточно вспомнить, сколько армий приходилось собирать Махно с 1918 по 1920 г. и сколько офицеров и солдат он потерял в боях с немцами, большевиками и Деникиным).

В недавно опубликованном документе Генерального штаба начала 1921 г.⁵⁵ С.С.Каменев сообщает Троцкому, что на текущий момент существует «бандитизм» трех видов:

1. Шесть больших «очагов», где вооруженные повстанцы пользуются активной поддержкой местного населения и могут привлечь тысячи бойцов, если и когда позволит ситуация (антоновщина в Тамбовской губернии — приблизительно 15 000 чел.⁵⁶; Западная Сибирь — 50 000—60 000 вооруженных мятежников; Правобережная Украина — около 2 500 партизан, в основном националистов; Левобережная Украина, где у Махно еще было под началом почти 1 500 чел.; Средняя Азия — приблизительно 25 000—30 000 «басмачей»⁵⁷; Дагестан, где весной 1921 г. действовали почти 5 000 повстанцев⁵⁸).

2. Множество мелких и крупных банд по всей стране, связанных с местным населением, но не пользующихся его активной поддержкой.

3. Криминальный бандитизм в собственном смысле слова, подавление которого решительно поддерживалось самими крестьянами.

Фактически к первой категории следовало бы отнести Кубань, где только что было подавлено большое восстание, начавшееся летом 1920 г., и все восточное

побережье Черного моря, весной 1921 г. все еще частично контролировавшееся «зелеными»⁵⁹.

И восстания, и их подавление, как и в 1919 г., проходили с крайней жестокостью. Зимой сибирские крестьяне обливали захваченных коммунистов и продотрядовцев водой, превращая их в ледяные статуи «в назидание» их товарищам. Несколько месяцев спустя, в июне 1921 г., Тухачевский угрожал газами «бандитам», скрывавшимся в тамбовских лесах, и в августе против них действительно применили газы⁶⁰.

Как правило, коммунисты отвечали в масштабах, еще больших, чем в предыдущем году, массовыми казнями сотен людей. Порой это делалось открыто. Например, в Тамбовской губернии на деревенских площадях постоянно, через короткие промежутки времени, казнили десятки заложников, дабы «убедить» жителей в необходимости доносить на «бандитов» и их семьи. В других случаях соблюдалась секретность, и жертвы расстреливались из пулеметов на краю рва, становившегося массовой могилой. В конце 1920 г., например, правительство наградило орденом Красного Знамени упоминавшегося выше Евдокимова. В секретном приказе, написанном Фрунзе, восхвалялась проведенная Евдокимовым экспедиция, в ходе которой за несколько дней было казнено около 12 000 чел.⁶¹. В данном конкретном случае казнили белых, а не крестьян. Однако Евдокимов был начальником Особого отдела Южного фронта, в предыдущие месяцы участвовал в боях с крестьянскими повстанцами, а вскоре стал одним из руководителей ликвидации «бандитизма» на Украине (как мы увидим, он также возглавлял в 1930 г. подавление восстаний против коллективизации на Северном Кавказе).

Уже в конце 1920 г. Орджоникидзе, Косиор и другие лидеры организовали, по всей видимости, первую массовую высылку «ненадежных» элементов из деревень. Тысячи казаков, разделенные на три категории по степени предполагаемой «опасности», были тогда сосланы на север. Через несколько месяцев такую же

тактику применили и усовершенствовали Антонов-Овсеенко и Тухачевский на Тамбовщине. Именно на их опыт опирался Сталин, когда 10 лет спустя решил подвергнуть подобному обращению всю страну, проводя раскулачивание⁶².

Репрессии такого рода были, как правило, прерогативой особых подразделений, созданных в предыдущие годы. К 1921 г. различные армейские особые отдели, отряды продармии, части особого назначения, войска внутренней службы и т.п. насчитывали несколько сот тысяч человек, порой с очень сомнительной биографией (их ряды пополняли дезертиры и разного рода преступники). Временами на помощь призывали армию, но по возможности отдельные избранные части вроде буденновской кавалерии, действовавшей против Махно и поддерживавших его украинских сел. Лишь в самых серьезных случаях, как, например, на Тамбовщине, применялись регулярные войска⁶³.

Хотя в данном случае погрешность может быть особенно велика, резонно предположить, что в 1918—1921 гг. жертвы сражений и репрессий в деревне исчислялись сотнями тысяч⁶⁴.

Такие масштабы заставили партию попытаться понять своего врага. Возможно, этим объясняется то, что коммунисты в конце 1920 — начале 1921 г. тщательно анализировали социально-экономическую ситуацию в деревне. По вполне очевидным причинам КП(б)У пошла еще дальше. Со многих точек зрения ее резолюции тогда были ближе к теориям Чаянова⁶⁵, чем к классовому анализу, принятому в марксистской традиции и позднейших официальных документах.

Фактически в этих резолюциях деревня — доля которой в общей численности населения вновь достигла 86%, как в 1897 г., — представляла царством «мелкого крестьянского хозяйства натурально-потребительского типа», результат все того же упоминавшегося выше исторического «регресса». В них говорилось о селе, превратившемся в «самостоятельное, самоснабжающееся, в себя замыкающееся, феодального типа

"государство"»; враждебное новому большевистскому режиму и готовое сражаться с ним не только за землю, но и «за эквивалент своего труда» (т.е. не желающее покорно отдавать плоды своего труда, и так сильно оскудевшие в результате войны и реквизиций, вызвавших сокращение посевных площадей на 30% и огромные потери скота, техники, инвентаря и пр.)⁶⁶.

Вот с этими «новым» селом столкнулась в то время большевистская партия, в свою очередь испытывавшая на себе глубокое влияние 3 лет войны с белыми и *подавляющим большинством населения*⁶⁷, а также уже упоминавшегося процесса строительства государства в чрезвычайных условиях. В ней выкристаллизовалось твердое милитаристское ядро из нескольких десятков тысяч человек. Руководила им очень немногочисленная группа крупных лидеров, сумевших пережить процессы 1918—1921 гг.

Как свидетельствуют протоколы Политбюро, данная группа — около сотни человек, в том числе Троцкий, которого очень скоро изолировали, — продолжала руководить партией до середины 30-х гг.⁶⁸. Поэтому она разделяет коллективную ответственность за кардинальные шаги, сделанные в конце 20-х — начале 30-х гг., что, по-видимому, объясняет, по крайней мере отчасти, почему при всех попытках реформ, предпринимавшихся в Советском Союзе после 1953 г., вплоть до последней, атакам подвергался пик сталинизма времен террора, но предыдущий период, в который закладывались его основы, оставался незатронутым.

Идеология этой партии в партии тоже претерпела глубокую трансформацию в результате «гражданской войны»⁶⁹, которая «произвела отбор» некоторых ее элементов, превратила другие в устаревшие и нашла им замену. Не говоря уже о воздействии военного опыта как такового, события 1918—1922 гг. сделали приемлемой и даже необходимой чрезвычайную степень насилия по отношению к населению. Глубокая неприязнь и даже отвращение к демократии вообще —

а не только к «буржуазной» — стали преобладать в этой группе людей, выражение «крах демократии» применительно не только к «мелкобуржуазным партиям», но и к самой идее демократии, стало общим местом, демонстрирующим итог уроков, преподанных войной (большевистские лидеры имели при этом в виду совершенную неадекватность и даже пагубность самой идеи демократии в «реальности», которую обнажила перед ними «гражданская война», рассеявшая иллюзии эпохи до 1917 г.).

В нерусских областях этот «крах» обострялся национальным фактором⁷⁰. Однако общим его источником везде был страх нового режима перед «темными» крестьянскими массами, во враждебности которых не приходилось сомневаться (между прочим, лидеры меньшевиков, например Мартов, разделяли это чувство, будучи убеждены, что политика большевиков вызвала радикальный сдвиг деревенских масс «вправо»)⁷¹.

Подчеркнутый культ силы воли, решительности, лидера-вождя явился естественным следствием этой неприязни к массам и осознания себя как изолированной и зачастую ненавидимой группы завоевателей (ленинское выражение). Как и презрение к демократии, подобные идеи уже содержались в первоначальном идеологическом багаже большевиков. Однако в тот момент, о котором идет речь, они стали несколько иными, приобрели новое качество. Для Петровского, бывшего большевистского депутата Думы, а в 1921 г. главы нового Украинского государства, коммунизм стал «означать просто сильное правительство и решимость выполнять его волю». Многие другие убедили себя, что крестьян, в том числе и советских, можно «привязать» к социализму только цепями, как вспомнил Орджоникидзе в 1930 г.⁷².

Хорошей иллюстрацией этих процессов является история слова «конспирация», заслуживающая небольшого отступления. Большевики до 1917 г. использовали этот термин для обозначения свода правил со-

блюдения секретности и норм поведения, регулировавших их подпольную деятельность, которую они вели против царизма во имя угнетенного народа. Однако, придя к власти, они не отказались от него. «Конспирация» стала официальным наименованием завесы секретности, помогавшей новому «социалистическому» режиму укрывать свою деятельность от глаз враждебного населения, против которого были пущены в ход все средства защиты⁷³.

Конечно, общий идеологический фон не исключал глубинных противоречий и не мешал развитию различных политических стратегий. Он являлся также отправной точкой для разного типа психологической эволюции внутри большевистского руководства. По крайней мере часть его, часто, хотя и не всегда, представлявшая интеллигентные силы, рассматривала ожесточенную вражду с населением, которое они мечтали освободить, как личную трагедию, и это противоречие (наряду с другими причинами, например массовой вспышкой насилия) порождало у нее, как свидетельствуют документы, сильную психологическую неустойчивость. Эту слабость обычно держали под контролем, и она никак не мешала следовать политике партии. Однако она прорывалась в моменты сильного напряжения или под влиянием алкоголя и провоцировала невыдержанное поведение в повседневной жизни, получившее название «истеричного» и, разумеется, осуждавшееся теми, у кого не было подобных проблем⁷⁴.

Среди последних наверняка много было людей из сталинской «дружины», уже в 1920 г. ставшей важной составляющей большевистского центрального руководства. По меньшей мере столь же важную роль играл их лидер. Действительно, после того как просмотришь документы тех дней, становится трудно поверить, что ученые на Западе долгое время, возможно, под влиянием позднейших самоутешительных писаний Троцкого, недооценивали статус Сталина до 1924 г.⁷⁵

Конечно, роль Сталина в войне даже отдаленно нельзя сравнить с ролью Троцкого. Зато в партии дело обстояло иначе. Как теперь известно, Сталин не только обзавелся уже многочисленным и разнообразным личным окружением. Он также лично руководил национальными территориями нового государства и воспользовался своим положением ленинского лейтенанта (т.е. преемника Свердлова) после июля 1919 г., чтобы приобрести еще более важный статус перспективного лидера милитаризированной партии. Таким образом, Сталин очень скоро начал становиться «великим Сталиным», сильным и рассудительным человеком, к которому в 20-е гг. каждый мог прийти, чтобы обсудить личные и политические проблемы (это «каждый» включало и многих из вышеупомянутых «истериков»). Не случайно в начале 1921 г. ВЧК адресовала первый из примерно десятка экземпляров своих секретных периодических сводок о положении в стране «Ленину и Сталину», а второй — «Троцкому и Склянскому»⁷⁶.

В те же первые месяцы 1921 г. милитаризированная, но истощенная и неуверенная в себе партия чувствовала, что у нее есть лишь два пути: «Либо, не дожидаясь помощи западноевропейского пролетариата... пойти на открытую гражданскую войну с массой крестьянства... либо, пойдя на экономические уступки крестьянству, укрепить путем соглашения с ним социальную основу Советской власти...»⁷⁷

Часть четвертая

ИНТЕРЛЮДИЯ (ПЕРЕМИРИЕ), 1922—1927

Вновь благодаря личному вмешательству Ленина избран был второй путь, т.е. нэп. Представляется, что в начале 1921 г. к такому выбору подтолкнули донесения об антоновщине, а более поздние, из Кронштадта, лишь подкрепили уже принятое решение⁷⁸. Однако не обошлось без сопротивления: в особенности на Южном фронте, хотя и не только там, оно было сильнее, чем обычно думают. Как писал в мае Ленину Осинский, «продовольственно-комбедовская» точка зрения царила среди местных руководителей, смотревших на крестьянина «как на природного саботажника по отношению к советской власти» и считавших продналог временной уловкой, чтобы усмирить село. Эти руководители часто устанавливали самую высокую ставку продналога, фактически сохраняя прежнюю разверстку, и по-прежнему заставляли крестьян нести принудительные общественные повинности. В сводках ВЧК за лето 1921 г. в самом деле употреблялись выражения типа «проведение продразверстки»: неудивительно, что в тех же самых сводках, в которых отмечалось удовлетворение села в связи с политикой нэпа, добавлялось, что крестьяне встречают ее «недоверчиво»⁷⁹.

Это породило основные противоречия при проведении новой политики. Достаточно было бы отсрочить их реальное проявление хотя бы на несколько месяцев, однако, к сожалению, их влияние многократно усилил голод, охвативший страну в конце весны 1921 г.

Голод унес жизни 1—3 млн чел. и продолжался до конца июля 1922 г. Засуха, разумеется, сыграла здесь свою роль, однако целый ряд документов и исследований, так же как сама хронология голода, показывают,

без всяких сомнений, что среди решающих факторов, обусловивших его, были реквизиции предыдущих лет, вызвавшие снижение производительности и размеров посевных площадей, а также жестокое подавление крестьянских восстаний, опустошившее целые села и районы. По этой причине сильнее всего голодали местности, охваченные перед тем крупнейшими крестьянскими восстаниями: Нижнее и Среднее Поволжье и Южная Украина (которую вдобавок поразила засуха)⁸⁰.

Между прочим, большевистские лидеры прекрасно знали, к каким последствиям может привести их политика. Например, в 1920 г. Раковский писал, что реквизиции 1919 г. вызвали ряд местных случаев голода на Украине. В начале 1921 г. такой местный случай, спровоцированный «прошлогодней продовольственной вакханалией», причислялся к причинам тамбовского восстания. Крестьяне и рабочие разделяли это мнение и возлагали на режим ответственность за голод, который Советская власть использовала против них, — мы встречаем в донесениях органов внутренних дел высказывания типа: «Советская власть хочет уморить нас голодом»⁸¹. Так началась летом 1921 г. новая волна беспорядков, связанная с голодом и во многих отношениях являвшаяся прямым продолжением борьбы против военного коммунизма.

В течение следующих месяцев голод и болезни, в большей степени, чем репрессии, медленно задушили эти беспорядки. Тем не менее, лишь в начале лета 1922 г. ВЧК смогла отрапортовать о решительном повороте, позитивном для правительства (так было и в городах, по которым в июне прокатилась последняя большая волна забастовок)⁸².

Поэтому голод нужно рассматривать как неотъемлемую часть войны государства с крестьянами, о которой здесь идет речь. Поэтому также, хотя ленинская смена курса действительно сыграла большую роль, именно большой голод 1921—1922 гг. завершает собой период, начавшийся в 1918 или, скорее, в 1914 г. Этот факт, уже отмечавшийся некоторыми учеными, напри-

мер Петибриджем, ныне получает подтверждение в архивных материалах и ставит задачу пересмотра принятой хронологии⁸³.

Подлинный нэп, таким образом, продолжался лишь 5 лет, и нам следует помнить, что еще в 1923—1924 гг. были случаи голода и восстаний местного значения, которыми, тем не менее, отнюдь не стоит пренебрегать. Как же следует интерпретировать, с нашей точки зрения, этот очень короткий период, ставший объектом столь многих исследований и породивший столько надежд?

Утверждалось, будто нэп явился компромиссом между силами, вышедшими победителями из предыдущей смуты. Возможно, компромисс имел место. Однако при лежащем в его основе хрупком равновесии и глубоко укоренившейся вражде, скрывавшейся за ним, он зависел от действий существующей власти, в чьих руках находилась инициатива. Преждевременная кончина Ленина, возможно, единственного лидера, заинтересованного в сохранении такого компромисса и способного отстоять его, нанесла самой его идее непоправимый ущерб (Бухарин, помимо того что был слаб, обратился к этой политике сравнительно поздно, Дзержинский, по его собственным словам, не годился в политические лидеры и т.д.).

Следует также помнить, что два главных игрока в этой партии (даже три, если принять во внимание национальности) решительно действовали в совершенно разных направлениях. С одной стороны, экономическая политика Советского государства, по крайней мере с 1923—1924 гг., была сосредоточена на достижении высоких и несбалансированных темпов роста тяжелой промышленности, что подготавливало будущий кризис хлебозаготовок. С другой — настойчиво проводимая в национальных республиках политика «коренизации» возбуждала злобу среди русского меньшинства. В итоге крестьяне попытались внести свои поправки в ход развития страны.

Это стало возможным, потому что нэп, по крайней мере с социально-экономической точки зрения, *отчас-*

ти явился победой той «эсеровщины», о которой здесь столько раз упоминалось. Хороший тому пример — Земельный кодекс РСФСР, принятый в декабре 1922 г., и то, что в числе основных его положений мы находим черный передел (крестьянская община в России контролировала теперь 95% земли), свободу местной торговли, а также ремесел и мелкой индустрии⁸⁴. Крупная промышленность оставалась под контролем государства, но это не противоречило принципам рассматриваемого нами спектра идеологий. На деле, учитывая их популистскую и социалистическую ориентацию, государственный контроль над крупной промышленностью являлся неотъемлемым их элементом, что и доказывала официальная программа антоновщины⁸⁵.

Нэп также отвечал, хотя и с большими противоречиями и ограничениями, устремлениям крестьян, обусловленным их традиционным культурным наследием. Самый яркий пример — национал-коммунизм 20-х гг., особенно его украинский вариант, прямое следствие урока, полученного большевиками в 1919 г.

Для крестьян нэп, по крайней мере с точки зрения его экономических принципов, являлся живой демонстрацией того, что — как выразился М.Конфино — «их утопия работает»⁸⁶. Они стали делать то же, что и до 1917 г., вновь активно и стихийно участвуя в урбанизации — особого рода, без четкого отделения города от деревни — и индустриализации. Тому есть масса доказательств, в том числе данные о сезонных миграциях крестьян (отходе) и настоящем расцвете ремесленничества, которому способствовала прогрессивная направленность государства на производство средств производства.

Однако на политическом уровне большевики не уступали ни пяди своей власти, и многие их шаги в области экономической политики противоречили компромиссу, лежащему в основе нэпа, усиливая эффект от достаточно живых воспоминаний об эпохе военного коммунизма.

Оттого-то, несмотря на относительное спокойствие, середина 20-х гг. была отмечена скрытой, но все же

ощутимой враждебностью к государству в деревне. Как недавно обнаружил, к своему большому удивлению, один мой российский коллега, в письмах Калинин у деревни даже в самый разгар нэпа, «как правило, позитивно-критическое начало уступает место весьма горьким и пессимистическим оценкам политики властей в деревне... Отчуждение и недоверие — тако-вы были важнейшие последствия».

Нам известно теперь, что советское руководство было прекрасно осведомлено о положении дел: сводки ОГПУ, Политуправления армии (о настроении новобранцев-крестьян) и ряд других источников рисовали недвусмысленную его картину.

Крестьяне, *de facto*, а частично и *de jure* лишенные права голоса, чувствовали себя гражданами второго сорта, их глубоко возмущало обхождение с ними местных начальников, часто все еще сохранявших нравы и повадки эпохи «военного коммунизма». На общих собраниях крестьяне уже сидели молча («сидят как пешки и молчат»). Но иногда они все же жаловались на налоги и обязательные поставки, порицали меры, препятствовавшие развитию их личных хозяйств, выступали против «назначенства», требовали свободных выборов, особенно на местном уровне, и такой же социальной защиты, какую законы *формально* гарантировали рабочим, причем по-прежнему облакали свои требования и жалобы в «эсеровскую» терминологию⁸⁷.

Режим, уничтоживший ПСР процессом 1922 г., боялся и преследовал любое проявление «крестьянских настроений» и старался изо всех сил воспрепятствовать созданию крестьянских союзов (вроде Союзов трудового крестьянства, ставших политическим костяком антоновщины). Меньшинство большевистских лидеров в самом деле, по крайней мере отчасти, меняли свои взгляды. И все же сознание непопулярности режима, антагонизм между его программой и надеждами и действиями крестьян ясно показывали большей части партийной верхушки, что рано или поздно им

придется разобратся как с крестьянами, так и с крестьянами-рабочими, нейтрализовав крестьян-солдат⁸⁸.

Разбираться начали в 1928 г. Люди, сплотившиеся вокруг Сталина, усилившие свои позиции с уничтожением последней оппозиции и подгоняемые постоянными неудачами на международном фронте, столкнулись с кризисом заготовок, порожденным противоречием между их амбициями, страхами и экономической политикой с одной стороны и реальностью и нуждами страны — с другой. Они решили справиться с ним «старыми» методами: реквизициями, насилием и зверствами 1918—1921 гг.

Такая политика немедленно вызвала волну крестьянского протеста. Армейские новобранцы, например, были засыпаны лавиной гневных писем из дома с жалобами по поводу новых мер. Согласно сводкам Политуправления армии, лавина эта начала катиться с Украины и Северного Кавказа — где она потом вырослась до гигантских размеров — и затем распространилась на другие военные округа, доказав тем самым лишний раз, что национальные регионы играли особую роль в сопротивлении сталинской политике. 5 000 солдат Новочеркасского гарнизона получали тысячи писем в день⁸⁹.

Сталинская инициатива впервые встретила значительное сопротивление и в партии и поэтому весной 1928 г. была временно отложена в сторону⁹⁰.

Однако последовавшая затем короткая передышка не изменила сколько-нибудь существенно хода событий. За какие-то месяцы «правая» оппозиция была разгромлена, и Сталин смог с новой силой вернуться к своей прежней политике. Можно сказать, что звонок к началу второго акта крестьянской войны в СССР был дан сверху. *Поэтому второй акт сильно отличался от первого: инициатива была теперь полностью в руках государства, а вторая сторона лишь отражала, все менее решительно, направленные на нее атаки.*

Думаю, можно утверждать, что Сталин сознательно решил вернуться к конфликту, замятому в 1921 г.

Фактически исключение крестьян из системы снабжения по карточкам, вновь введенной в 1928—1929 гг., само по себе было косвенным объявлением войны⁹¹. Но у нас есть и прямые свидетельства того, что советское руководство знало, что делало, хотя и не могло предвидеть, ни как будет развиваться конфликт, ни чем он закончится. Прочитую обмен репликами между Бухариным и Ворошиловым на пленуме ЦК в июле 1928 г. Первый попросил присутствующих представить себе, «что у вас есть пролетарская власть в мелкобуржуазной стране, но что она насильно вгоняет мужика в коммуну». Ворошилов прервал его следующими словами: «Как в 18-м и 19-м году, скажи». «Тогда вы получите восстание мужика», — закончил Бухарин⁹².

Как известно из донесений о его разговорах с Каменевым, Бухарин понял тогда, что сталинисты именно этого и ждут, будучи уверены, что на этот раз — в отличие от событий семилетней давности — смогут легко подавить подобные восстания (кровапролитие их не смущало, добавлял он)⁹³.

Сталин, можно отметить, знал и то, что сочетание чрезмерных реквизиций с крупными инвестициями в промышленность, финансируемыми за счет массового экспорта зерна, может через несколько лет вызвать «искусственный» голод. Фактически он уже говорил об этом в ходе полемики на XIV съезде партии⁹⁴.

Труднее объяснить, почему национальное коммунистическое руководство, особенно украинское, поддержало антикрестьянский поворот Сталина. Как я уже предполагал⁹⁵, важную роль тут сыграло разочарование в отношениях с собственным крестьянством, испытанное *всеми* национальными верхушками во время «гражданской войны». Многие надеялись тогда, что быстрая индустриализация вкупе с урбанизацией создаст в несколько лет гораздо более прочную основу для национального развития, раз и навсегда разрешив «проклятый» вопрос о колониальном характере важнейших городских центров республик.

Часть пятая

**АКТ ВТОРОЙ И ПОСЛЕДНИЙ,
1928—1933**

Новые документы недавно позволили проследить буквально день за днем развитие наступления на крестьянство, развернутого государством с провозглашением раскулачивания и коллективизации. Я имею в виду, конечно, сводки ОГПУ, составлявшиеся тогда чуть не ежедневно, отчеты работников ЦИК, отчеты местных партийных секретарей ЦК и т.д.⁹⁶

Некоторые из этих документов, например, отчеты Варейкиса по Центрально-Черноземному району, Балицкого — по Украине, сводки данных о раскулачивании, высылках и крестьянских волнениях за 1930 г., уже напечатаны, другие публикуются во все большем количестве. Таким образом, стало возможно набросать схематичную, но достаточно связную и основательную картину трагических событий 1929—1933 гг., что я и попытаюсь сделать ниже (в том, что касается 1930 года, я опираюсь на свое предисловие к публикации отчетов Балицкого в журнале «*Cahiers du monde russe*», к которому и отсылаю читателя, желающего получить более подробные сведения)⁹⁷.

Сельское общество, подвергшееся атаке в 1928—1930 гг., все еще оставалось сильным, как показало его быстрое демографическое и социально-экономическое восстановление в период нэпа. Однако крестьянство стало гораздо слабее, чем до Первой мировой войны, а в некоторых отношениях даже слабее, чем в 1920—1921 гг., когда оно угрожало самому существованию нового большевистского государства.

Это было верно как в относительном — за время нэпа государство усилилось в большей степени, нежели восстановилась деревня, — так и в абсолютном смысле. То же самое государство фактически разоружило деревню, в 1920—1921 гг. вооруженную до зубов, и уничтожило большинство главарей партизанских банд тех лет.

Оставшиеся «признанные враги Советской власти» стали мишенью на первом этапе раскулачивания. Для первой из трех категорий, на которые были поделены приблизительно миллион «кулацких» (кавычки здесь обязательно необходимы) семейств в стране, это означало арест, а иногда и ликвидацию мужчин⁹⁸. Судьба этих семейств — естественной деревенской верхушки, по Чаянову, — непосредственно зависела от категории, к которой их относили. Семьи, принадлежащие к первой категории, лишались мужчин и ссылались в отдаленные районы. Такая же участь постигала семьи второй категории вместе с мужчинами. Тех, кто относился к третьей категории, переселяли в пределах их собственного района.

Наступление очень решительно и быстрыми темпами было осуществлено с ноября 1929 г. по февраль 1930 г. Ему предшествовали серьезные волнения, вызванные реквизициями — хлебозаготовки после 1928 г. фактически представляли собой реквизиции — и «новыми» методами их проведения: в течение 1929 г. в СССР было около 1 300 случаев беспорядков среди крестьян, причем, как отмечало ОГПУ 28 декабря, «колоссальную роль» в них играл религиозный вопрос⁹⁹. Растущее сопротивление наверняка стало главным фактором, убедившим советское руководство поспешить с чрезвычайными мерами.

Установка была на нейтрализацию крестьянства путем уничтожения его верхушки (раскулачивания) и объединения как можно большего числа семейств в сравнительно немногих крупных коллективных хозяйствах (коллективизации).

Первое во многих отношениях воспроизводило формулу, применявшуюся в начале 1919 г. к казакам, в документах центральных партийных органов говорилось тогда о необходимости «нейтрализовать казачество путем безжалостного искоренения его верхушки»¹⁰⁰, позднее ту же формулу усовершенствовали на Кубани и в Тамбовской губернии.

Второе, как справедливо предполагалось, должно было облегчить получение желаемого количества зерна, что было до тех пор предметом постоянных яростных споров с миллионами упорствующих крестьянских семей¹⁰¹. Возможно, эта идея явилась личным вкладом Сталина в решение проблемы «первоначального накопления», поставленной Преображенским. Разумеется, высказать ее он предоставил другим.

Имеющиеся документы показывают, что по крайней мере первый этап наступления — раскулачивание — прошел успешно. И дело здесь не только в жестокости и решительности. Бесспорным, хотя и неприятным фактом является то, что, используя зависть и социальную напряженность, существовавшую в деревне, в ходе раскулачивания удалось в первую очередь расколоть село так же, как делали комбеды в 1918 г.

Подразумевалось — во всяком случае все понимали это так, — что «кулацкое» имущество достанется тем, кто пожелает предложить свои услуги и захватит его. Даже в сводках ОГПУ отмечалось, что в результате к ядру, состоявшему из молодых энтузиастов, более или менее верящих в свое дело, присоединялись деревенские представители преступного мира. Формировавшиеся в спешке отряды по раскулачиванию оказались заражены «классово-чуждым и часто уголовным элементом». Эти люди «выгоняли раскулачиваемых голыми на улицу, избивали их, устраивали попойки на квартирах раскулачиваемых, стреляли над головой, заставляли копать для себя яму, раздевали догола женщин и производили личные обыски.

присваивали себе обнаруженные ценности, деньги и т.п.».

Таким образом, как доказал М. Левин более 25 лет назад, раскулачивание являлось на деле не чем иным, как всеобщим грабежом и мародерством¹⁰². Упомянутый успех его был политическим, но никак не экономическим, и можно утверждать, что оно возродило традицию погромов, особенно погромов, инспирируемых государством.

Преемственная связь раскулачивания с эпохой 1918—1921 гг. также была сильна, и не в одном только отношении. Я уже проводил аналогии с комбедами, расказачиванием в 1919 г., высылками 1920—1921 гг., подавлением антоновщины и пытками ради получения зерна, ценностей или недоимок по налогам (когда читаешь сводки ОГПУ за 1930 г., так же как и документы периода за десять лет до того, невольно приходят на память дела шерифа из Ноттингема и его головорезов). Помимо того, большинство руководивших наступлением были выдвинутыми времен «гражданской войны», сидевшими теперь в окружных и районных комитетах партии, и социальное продвижение элементов из народа вновь приняло широкие масштабы. Это диктовалось необходимостью создания обширного аппарата репрессий и контроля в деревне, а также нуждами форсированной индустриализации. По крайней мере на селе при отборе новых кадров действовали те же принципы, что и десять лет назад, — предпочтение снова отдавалось самым безжалостным¹⁰³.

В официальной статистике раскулачивания говорится о тысячах репрессированных, зачастую расстрелянных, людей в первые же недели, о ссылке в отдаленные районы в 1930—1931 гг. 381 000 семей, насчитывающих 1,8 млн чел. 64 000 таких семей были с Украины, 52 000 — из Западной Сибири, 30 000 — с Нижней Волги, 28 000 — с Урала. Их ждали особые спец- или трудпоселения, которыми после 1931 г. ведало ОГПУ.

Высылки продолжались и в последующие годы. После 20 июля 1931 г., когда Политбюро заявило, что в целом «кулаки» в районах сплошной коллективизации уничтожены, ссыльные в первую очередь поступали с национальных окраин (Казахстан, Северный Кавказ, Кавказ и т.д.). В марте 1932 г., к примеру, Бауман в своем «политическом изгнании» в Средней Азии требовал высылки 6—7 тыс. «кулацких» семей из тамошних хлопководческих районов. Впрочем, в том году резкое ухудшение ситуации в деревне и страх, вызванный им в Москве, привели к рецидиву этого явления по всей стране. План выслоек на 1932 г., обсуждавшийся в комиссии Политбюро в апреле, предусматривал ссылку в мае — августе 38 300 семей, из них 6 000 — с Украины¹⁰⁴. Еще 268 000 крестьян были сосланы в одном только 1933 году.

Итого в отдаленные места были высланы около 2,25 млн чел., причем в целом такое же число людей переселялось в пределах районов их проживания (некоторых из них позднее тоже сослали в отдаленные местности). К этим цифрам следует добавить число тех, кого сразу отправляли в лагеря, где в июле 1932 г. содержалось почти 120 000 крестьян.

Ссыльные крестьяне слали домой и властям тысячи душераздирающих писем. Особенно трогательно в них описание судьбы детей, смертность среди которых, согласно одному документу Политбюро от января 1932 г., в отдельных районах достигала 10% в месяц. Немало подобных писем было недавно опубликовано вместе с письмами некоторых партийцев, нашедших в себе мужество осудить государство, называвшее себя «социалистическим» и в то же время творившее такие ужасные вещи¹⁰⁵.

Известно, что только в 1932—1933 гг. умерли почти 250 000 сосланных крестьян. Вероятно, в 1930—1931 гг. дело обстояло еще хуже, как свидетельствует судьба детей. Фактически управление спецпоселениями было передано в 1931 г. в ведение ОГПУ

для того, чтобы остановить гуманитарную катастрофу и замять поднимавшийся скандал. Таким образом, по меньшей мере несколько сот тысяч крестьян и столько же пастухов-кочевников погибли еще до того, как осенью 1932 г. разразился голод (см. табл. 4)¹⁰⁶.

Таблица 1

Количество ссыльных крестьян в спецпоселениях
под управлением ОГПУ в 1932—1935 гг.
(данные на начало каждого года, тыс. чел.)

	1932	1933	1934	1935
Всего	1317	1142	1072	973
<i>Прирост в течение года</i>	201	398	254	246
В том числе:				
1. Родилось	18	17	14	26
2. Прибыло из других мест	71	268	24	67
<i>Убыль в течение года</i>	376	467	353	202
В том числе:				
1. Умерло	89	151	40	22
2. Бежало	207	215	87	43

Источник: Земсков В.Н. Спецпоселенцы // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 6.

В разгар раскулачивания началась коллективизация, достигшая своего первого пика в феврале 1930 г., когда были коллективизированы почти 8 млн хозяйств. Непокорным грозили массовыми расстрелами — самая действенная угроза, учитывая то, что происходило всего несколько лет назад.

Яркое впечатление производят сегодня сводки ОГПУ, совпадающие с воспоминаниями, оставленными жертвами тех событий, почти дословно¹⁰⁷. В конце февраля, когда было коллективизировано до 60% крестьянских дворов, советские лидеры обманывали себя, думая, будто успех близок. Однако в тот момент деревня, под влиянием постоянных реквизиций и выколачивания недоимок по налогам, объединилась, преодолев прежние разногласия¹⁰⁸. С середины февраля она стала оказывать активное сопротивление натиску государства.

Поднимающаяся волна крестьянского сопротивления хорошо отражена в данных, собиравшихся ОГПУ для высшего партийного руководства и опубликованных недавно В.П.Даниловым и А.Береловичем¹⁰⁹. Судя по этим, порой до смешного скрупулезным, подсчетам, согласующимся, однако, с тем, что нам уже было известно из массы других источников, в том числе дипломатических донесений, мемуаров, рассказов участников и жертв тех событий, в 1930 г. имели место 13 754 случая крестьянских волнений (в 10 раз больше, чем в предыдущем году), причем в 10 000 случаев, о которых имелась такого рода информация, участвовали 2,5 млн чел. 402 выступления, в том числе 4 настоящих восстания, произошли в январе; 1 048, в том числе 37 восстаний, — в феврале; 6 528 (80 восстаний) — в марте и 1 992 (24 восстания) — в апреле. К этим коллективным выступлениям следует добавить приблизительно 4 000 актов индивидуального «терроризма» — в том числе 1 200 убийств, — которыми крестьяне отвечали на произвол, чинимый над ними.

Более чем в 7 380 случаях беспорядки направлены были против коллективизации, в 2 339 — против арестов или высылки «антисоветских элементов», в 1 487 — против закрытия церквей (таким образом, религия вновь играла важнейшую роль, как заявил в одной из своих речей Орджоникидзе)¹¹⁰. В числе прочих наиболее значимых причин крестьянских выступ-

лений были нехватка продовольствия (1 220), конфискация семенного зерна (544) и принудительные поставки зерна и других продуктов (456).

Сильнее всего волнения затронули Украину, где в 4 098 выступлениях участвовали свыше миллиона крестьян (что составляло соответственно 29,7% и 38,7% от общего числа). Следом шел Центрально-Черноземный район, включавший и Тамбовский округ, — 1 373 случая беспорядков с участием более 300 000 чел., затем Северный Кавказ — 1 061 выступление, 250 000 бунтовщиков; за ними — Средняя Волга, Московская область, Западная Сибирь и Татарская Республика (в каждом регионе по 500 массовых выступлений).

По многим причинам решающую роль играли женщины и «бабьи бунты», которых ОГПУ насчитало 3 712¹¹¹. Часто действовали толпы, вооруженные вилами, топорами и прочими орудиями труда. Как и в случаях зверских пыток, напоминающих времена Робин Гуда, мы видим здесь средневековые сцены, перенесенные в середину XX века. Следует, однако, помнить, что всего 10 лет назад те же толпы орудовали винтовками и пулеметами.

Поразительна преемственность — вплоть до географической — этого сопротивления и сопротивления предыдущего десятилетия, а порой и 1905 года. Она поражала и работников ОГПУ. Например, как можно прочесть в сводках с Украины, там нередко бунтовали те же села, которые в 1920 г. на 50% «вырезала» конница Буденного.

Программа восстаний тоже была удивительно похожа на выдвигавшуюся 10 лет назад, хотя новая ситуация побудила крестьян добавить к списку 1918—1921 гг. новые требования. Сводки ОГПУ вновь дают нам ясную и недвусмысленную картину: крестьяне требовали возвращения обобщественного и реквизированного имущества; имущества сосланных семей; роспуска комсомола, который они единодушно считали организацией шпионов и провокаторов; уважения

их религиозных чувств и обычаев; свободных выборов сельских советов; прекращения реквизиций; свободы торговли. Повсюду снова звучало четкое «нет» возврату крепостного права, ибо именно так понимали крестьяне сущность коллективизации (впрочем, бесспорный факт существования такого общего мнения не должен затмевать в наших глазах множество различий между этими двумя феноменами).

На Украине, как и в других национальных регионах, в оплотах сопротивления слышались националистические лозунги. Поэтому резонно будет предположить, что Сталин и его окружение утвердились в своем взгляде на деревню как на естественный источник и питательную среду для национализма (гипотеза, как мы знаем, верная лишь отчасти).

В силу характера этих выступлений, зачастую мирных, невооруженных и руководимых женщинами, подавление их было суровым, но все же несравнимым с событиями 1918—1922 гг. Убитые исчислялись сотнями, может быть, тысячами (особенно на Северном Кавказе). Гораздо больше было арестованных и сосланных. Ссылка тогда была распространена на всех противников режима, независимо от их социального происхождения, и стоила жизни сотням тысяч.

Невзирая на это кардинальное различие, в области репрессий тоже были сильны элементы преемственности с эпохой 1918—1922 гг. Руководившие прежними операциями командовали и в 1930 г., Балицкий — на Украине, Евдокимов с дивизией Дзержинского — на Северном Кавказе. Как показывает второй пример, для подавления восстаний снова использовались части особого назначения. Лишь в исключительных случаях правительство обращалось к регулярным войскам¹¹².

Чтобы справиться с крестьянской проблемой, Сталин прибег также к тактическому отступлению, несомненно эффективному, призванному замедлить разрастание мятежа. Не только реальные масшта-

бы беспорядков обусловили подобный поворот. Пожалуй, воспоминания о 1919—1921 гг. и боязнь того, что снова придется иметь дело с единой, бунтарски настроенной деревней, сыграли даже бóльшую роль.

Хорошо известно, что в начале марта Сталин опубликовал в «Правде» статью, где приказывал немедленно прекратить «перегибы» в деревне и объявлял ответственными за них местные кадры. Конечно, такой шаг не понравился множеству местных руководителей, а в центральных органах партии многих возмущало то, что статья вышла за подписью одного Сталина. Сталин, таким образом, представал перед селом воплощением «добротного царя» былых времен.

Такой маневр — как я полагаю — был предпринят совершенно сознательно (еще в прежние годы Сталин хвалился, что он — единственный, кто способен обвести мужика вокруг пальца¹¹³) и принес желаемый результат. Крестьяне толпами покидали колхозы, неся экземпляры «Правды», словно иконы, восхваляя Сталина и браня местных коммунистов. Кроме всего прочего, село получило возможность выпустить пар, накопленный за предыдущие месяцы.

Сначала это привело к усилению крестьянских выступлений. Но теперь то был симптом общего охлаждения, а не роста давления в котле. За несколько месяцев 9 млн крестьянских семей вышли из колхозов, и к лету деревня в сущности успокоилась. В то же время режим мог записать на свой счет практическое уничтожение крестьянской верхушки и коллективизацию более 5 млн дворов из общего числа около 23—24 млн (летом 1928 г. коллективизированных дворов насчитывалось меньше полумиллиона)¹¹⁴.

Помимо открытого сопротивления крестьяне отвечали на атаку государства бегством, по возможности — за границу (это было возможно как для жителей приграничных областей, так и для тех, кто, подобно меннонитам, имел иностранное подданство¹¹⁵), а также в города либо на многочисленные новые индустриальные стройки, если не было другой альтерна-

тивы. Бежали миллионы, часто с поддельными документами. Так, например, было подсчитано, что только в 1930—1931 гг. по меньшей мере 200 000 семей «самораскулачились», распродав имущество и скрывшись из деревни, пока не попали под удар. Еще 400 000 чел. бежали в 1932—1933 гг. из спецпоселений, куда были сосланы. Кстати, летом 1931 г. в этих поселениях тоже вспыхивали восстания под уже знакомыми лозунгами: «за возвращение домой», «долой коммуны», «за свободу торговли» и даже «да здравствует Учредительное собрание»¹¹⁶.

Это массовое бегство ускорило формирование широкого слоя «нелегалов» в быстро растущих городах. Достаточно привести один пример: в 1933 г., когда проводилась «паспортизация» жителей крупных городских центров, власти полагали, что в Магнитогорске 250 000 жителей, однако насчитали всего 75 000, что свидетельствует не только о недостоверности советской статистики — в том числе и секретной, — но и о масштабах вызванного этой мерой массового бегства нелегального населения. Как было подсчитано позднее, уехать решили 35 000 чел., боявшиеся, что будет обнаружено отсутствие законных оснований для их проживания¹¹⁷.

Но вернемся в лето 1930 г., когда исключительно благоприятные погодные условия позволили вырастить очень хороший урожай, особенно принимая во внимание недавние события в деревне.

Удовлетворенное результатами, достигнутыми несмотря на мартовское отступление, советское руководство ошибочно решило, будто война с крестьянином по сути выиграна. Новая волна протеста, вызванная реквизициями вкупе с коллективизацией, начавшимися сразу после уборки урожая, опровергла эту иллюзию¹¹⁸. Однако Москва, все еще убаюканная ею, недоценила тяжесть надвигающейся угрозы инфляции и экономического кризиса, коренящегося в несбалансированности ее мероприятий в 1928—1929 гг. (например, на транспорте; в конце 1930 г. это вылилось

приблизительно в 2 млн т невывезенного зерна — того самого зерна, из-за которого велась битва с деревней, — гниющего на станциях). В начале 1931 г. были приняты широкие инвестиционные планы, базировавшиеся на открытии новых крупных кредитных линий для германского экспорта в СССР, гарантированных германским правительством¹¹⁹.

Советское руководство считало, что реформы в промышленности скоро дадут хорошие результаты и множество новых, строящихся заводов-гигантов заработают через несколько месяцев без особых проблем. Тем временем победа в деревне позволит начать крупный экспорт зерна и другого сырья, например леса, заготавливаемого с помощью разных форм эксплуатации принудительного труда крестьян. Средства, вырученные от экспорта, а также в результате открывшейся по всей стране охоты за золотом и драгоценностями¹²⁰, гарантируют оплату германских счетов и дадут возможность импортировать в широких масштабах металл и технику. Таким образом, во многих отношениях был принят на вооружение очень примитивный, гротескный, крайний вариант так называемой системы Витте.

1931 и 1932 годы принесли с собой повторение цикла событий, которыми был отмечен 1930 год: хлебозаготовки и реквизиции во все возрастающих размерах (необходимость их предопределили шаги, предпринятые в конце 1930 г.) шли бок о бок с повторяющимися волнами репрессий, высылки и коллективизации. Но как только кончились исключительные погодные условия 1930 г., сразу дал знать о себе весь ущерб, нанесенный сельскому хозяйству начиная с 1928 г. Здесь можно назвать ликвидацию самой компетентной прослойки крестьян, потерю значительной части скота и сбережений деревни, нежизнеспособность колхозов (вспомним, как и с какими целями они создавались).

Вынужденное распрощаться с большинством иллюзий и заблуждений конца 1930 — начала 1931 г. и

одержимое мыслью об экспорте¹²¹, сталинистское руководство ответило на падение сельскохозяйственного производства повышением планов хлебозаготовок. В 1928 г. заготовки поглотили приблизительно 15% собранного урожая. В 1930 г. доля их подскочила до 26,5% и продолжала расти в следующие годы, достигнув 33% в 1931 г. и 34,1% в 1933-м (см. табл. 2). Это в среднем. В хлеботородных районах, таких как некоторые области Украины или Северный Кавказ, государство уже в 1931—1932 гг. конфисковало почти половину урожая¹²².

Крестьяне, которые ненавидели новую систему, но уже стали бояться хладнокровного подавления открытого неповиновения, прибегли к пассивному «сопротивлению» беспрецедентного размаха¹²³. Кавычки здесь необходимы потому, что термин этот несомненно неоднозначен и за ним скрывается реальность, в которой главную роль играли голод, страх, отчаяние, дезорганизованность и еще многие факторы, тормозившие сельскохозяйственное производство. Тем не менее, несколько различных источников недвусмысленно свидетельствуют о растущем значении пассивной оппозиции деревни, которую нередко покрывали или, по крайней мере, терпели тысячи местных руководителей, позднее, в 1932—1933 гг., подвергшихся чистке¹²⁴.

Данный феномен заявил о себе впервые серьезными трудностями, с которыми столкнулась кампания по хлебозаготовкам в 1931 г. Она проводилась после довольно плохого урожая и явилась предвестницей ужасного кризиса, бывшего уже не за горами. К весне 1932 г. стало ясно, что украинские крестьяне не собираются делать того, что от них ожидают. Несколько месяцев спустя, в начале 1933 г., взбешенный Сталин, как обычно, «персонализировал» происходящее. Он обвинил крестьян в «тихом и внешне безобидном (без крови) саботаже», назвав его «тихой войной» против Советской власти.

Таблица 2

Урожайность, доля государственных хлебозаготовок и экспорта, 1913—1934

Годы	Урожай* (млн т)	Государственные хлебозаготовки (% от урожаея)	Государственные хлебозаготовки (млн т)	Экспорт зерна (млн т)
1913**	76,5	—	—	9,1
1923—1926	—	12—14	9—11	2,6***
1928	73,3	14,7	10,7	0,28
1929	71,7	22,4	16,6	0,17
1930	77,1	26,5	21,0	4,8
1931	69,5	32,9	22,8	5,2
1932	69,8	26,9	19,0 голод	1,73
1933	68,4	34,1	23,3 голод	1,68
1934	67,6	38,1	25,8	0,77

Источники: Lewin M. Taking Grain: Soviet Policies of Agricultural Procurements Before the War // Lewin M. The Making of the Soviet System. New York, 1985. P. 166—167; The Economic Transformation of the Soviet Union / Ed. by R.W.Davies, M.Harrison, S.G.Wheatcroft. Cambridge University Press, 1994. P. 285 ff.

* Советские данные по урожайности несколько пересмотрены. Исследователи, по-видимому, согласны в том, что для периода 1928—1932 гг. их следует понизить почти на 10—15%.

** Было подсчитано, что в виде налогов, арендной платы и пр. крестьяне в 1913 г. теряли около 20% урожая.

*** В 1923—1924 гг.

Далее я буду цитировать в основном материалы, относящиеся к «Южному фронту». Ввиду многонациональности этого региона и важной роли, которую он играл в производстве зерна, здесь все принимало более крайние и более трагические формы. Это касается как действий крестьян, так и голода, использованного впоследствии для их «перестройки». Тем не менее, суть взаимосвязи между крестьянским сопротивлением, постигшей его карой и торжеством государства везде одинакова. Если в Сибири и на Урале был «просто» голод, а не всеуничтожающая катастрофа, то все же нельзя забывать, что и он поразил десятки, а то и сотни или тысячи жертв. Достаточно прочесть воспоминания о тех годах, например рассказ Виктора Серге об Оренбурге в 1933 г., чтобы понять, что творилось и за пределами голодающих областей.

Поэтому я не думаю, что совершу ошибку, сосредоточив свое внимание на Южном фронте. Напротив, происходившие там крайности позволят нам более отчетливо увидеть суть переломных событий 1931—1933 гг. и взаимосвязь между ними. Однако следует постоянно помнить, что на Украине и Северном Кавказе, так же как в Казахстане и Средней Азии, они носили гораздо более трагический характер, чем где бы то ни было¹²⁵.

Одно из самых ярких описаний пассивного сопротивления крестьян можно найти в донесении итальянского вице-консула в Новороссийске Леоне Сирканы. В апреле 1933 г. он сделал для Муссолини, жадно читавшего депеши из СССР, следующий обзор положения в деревне:

«Боевые порядки все те же: сельские массы, сопротивляющиеся пассивно, но эффективно; партия и правительство, тверже, чем когда-либо, намеренные разрешить ситуацию... Крестьяне не выставляют против армии, решительной и вооруженной до зубов, какую-либо свою армию, даже в виде вооруженных банд и разбойничьих шаек, обычно сопутствующих восстани-

ям крепостных. Возможно, именно в этом — истинная сила крестьян, или, скажем так, причина неудач их противников. Исключительно мощному и хорошо вооруженному советскому аппарату весьма затруднительно добиться какого-то решения или победы в одной или нескольких открытых стычках: враги не собираются вместе, они рассеяны повсюду, и бесполезно искать боя или пытаться спровоцировать его, все выливается в непрерывный ряд мелких, даже ничтожных операций: несжатое поле здесь, несколько центнеров припрятанного зерна там...»

Дело в том, продолжает Сиркана, что «после того, как кулаки довольно легко были ликвидированы, а их богатство уничтожено (это нельзя назвать экспроприацией по практическим соображениям), антагонизм [в деревне. — А.Г.] исчез (не имея дальнейшего *raison d'être**), и Москва оказалась лицом к лицу с единой враждебной крестьянской массой, придерживающейся одинакового образа мыслей и доведенной до одинакового уровня нищеты... Крестьянин ничему не верит, работает так мало и плохо, как только возможно, он ворует, прячет или уничтожает плоды собственного труда, лишь бы не отдавать их»¹²⁶. Не имея ничего или очень мало на экспорт, при вполне реальной перспективе банкротства (которого удалось избежать лишь благодаря гитлеровским концессиям в начале 1933 г.) и растущих волнениях в городах, вызванных «трудностями» с продовольственным снабжением, режим стоял в конце 1932 г. перед вполне вероятной угрозой падения. Но точно так же, как голод 1921 — 1922 гг. в итоге положил конец открытой конфронтации с деревней, голод 1932 — 1933 гг., вначале угрожавший самому существованию режима, в итоге укрепил его, разорвав вышеописанный порочный круг.

Вновь, как и в 1921 — 1922 гг., тревожные симптомы — местные вспышки голода, общее ухудшение условий жизни в деревне и т.п. — были видны загодя.

---

*Смысл существования. — *фр.*

Весной 1932 г., так же как весной 1919-го, украинское руководство столкнулось с локальным голодом, вызванным чрезмерными реквизициями. Скрыпник, например, говорил об этом в начале года после своей поездки по сельской местности. В апреле — мае, когда Чубарь информировал Москву о растущих трудностях со снабжением хлебом, среди солдат Киевского гарнизона уже ходили слухи о том, что на базарах города торгуют человеческим мясом¹²⁷.

Летом ситуация настолько ухудшилась, что это толкнуло отчаявшуюся компартию Украины на спор с Москвой: в июле весьма встревоженный Сталин писал Кагановичу о реальной опасности «потерять Украину», где более 50 райкомов в Киевской и Днепропетровской областях объявили спущенные из центра планы хлебозаготовок «нереальными». Каганович должен был немедленно ехать туда и исправить положение¹²⁸.

Итак, КП(б)У заставили смириться с губительными, по ее мнению, невзирая на незначительные поправки, планами. В следующие месяцы оправдались самые мрачные прогнозы. Хлебозаготовки 1932 г. послужили толчком к тому, что разыгралась огромная трагедия, продолжавшаяся с ноября 1932 г. по июнь 1933 г. и достигшая своей кульминации в марте — апреле¹²⁹. Погибли почти 7 млн чел., а может быть, и больше, согласно недавним оценкам украинских, российских и западных демографов. Сильнее всего голод поразил Украину, Казахстан и Северный Кавказ, но жестокий удар обрушился и на многие российские регионы, например на Нижнюю Волгу, да и по всей стране смерть от голода стала обычным явлением¹³⁰.

Даже крупные города и промышленные центры не избежали общей участи. Лишь Москва и Ленинград почти не пострадали благодаря тому, что власти боялись возможной реакции их жителей: например, в первые три месяца 1933 г. для Москвы были выделены 165 тыс. т зерна, для Московской области — еще

86 тыс. т, тогда как на всю Украину, с ее куда более многочисленным населением, — 280 тыс. т¹³¹.

Таблица 3

Население Российской империи / СССР,
1917—1937 (млн чел.)

Годы	
1917*	147,6 (согласно подсчетам)
нач. 1920	140,6 ("")
нач. 1921	136,8 ("")
нач. 1922	134,9 ("")
1926	146,0 (согласно переписи)
1928 (январь)	151,6 (согласно подсчетам)
1929 (январь)	154,6 (согласно подсчетам) + 20,4 чел. на тысячу
1930 (январь)	157,4 ("") + 17,9 чел. на тысячу
1931 (январь)	159,8 ("") + 15,4 чел. на тысячу
1932 (январь)**	161,8 ("") + 12,7 чел. на тысячу
1933 (январь)**	162,9 ("") + 6,5 чел. на тысячу
1934 (январь)	156,7 ("") — 36,5 чел. на тысячу
1935 (январь)	158,1 ("") + 8,6 чел. на тысячу
1937	162,5 (согласно переписи)

Источник: Население России в 1920—1950-е годы. М., 1994. С. 59—60; и др.

* В 1914—1916 гг. население Российской империи продолжало расти, хотя темпы роста быстро снижались. 1917 год был первым годом «с отрицательным результатом», но убыль пока была еще очень невелика.

** Согласно А.Блюму (Naître, vivre et mourir en URSS, 1917—1991. Paris, 1994. P. 99), смертность достигала в среднем 30 чел. на тысячу в 1932 г. и 70 чел. на тысячу в 1933 г., который, следовательно, являлся наихудшим, даже если принять во внимание 1918—1922 гг.

Любопытно, что этот голод — единственный случай, когда оценки числа его жертв, сделанные как самими жертвами, так и противниками режима в СССР и за рубежом, нередко отстают от реальности, хотя обычно такого рода оценки имеют тенденцию к преувеличению. К сожалению, нужно помнить, что в течение десятилетий никто не считал нужным исследовать, пожалуй, самое важное событие 1930-х гг., имевшее столь тяжкие последствия. Многие годами полагали возможным отрицать или игнорировать эту трагедию и ее решающую роль¹³². Затем началась не менее бессердечная полемика относительно числа жертв, словно, будь смертей на 1—2 миллиона больше или меньше, это как-то изменит общую оценку самого факта и его значения¹³³. К счастью, за последние годы ситуация изменилась, дав даже некоторые примеры похвальной самокритики¹³⁴.

Таблица 4

Абсолютное число смертей и рождений,
1927—1936 (млн чел.)

Годы	Смерти	Рождения
1927	3 984	6 950
1930	4 284	6 694
1931	4 501	6 510
1932	4 786	5 837
1933	11 450	5 545
1934	3 410	4 780
1936	3 223	5 589

Источник: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьков Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР 1926—1941 гг. // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 34—46. (Эти оценки считаются лучшими из имеющихся на сегодняшний день. Однако здесь, возможно, занижено количество смертей в 1931 и 1932 гг. путем отнесения части их к 1933 г. Следует добавить, что, учитывая почти

полное отсутствие данных о смертности и эмиграции в Казахстане, мы никогда не узнаем точное число жертв тех лет.)

Еще в большей степени, чем в 1921—1922 г., причины последнего великого голода в Европе в мирное время кроются в постоянно увеличивающихся реквизициях и в попытке реорганизовать сельский мир на базе колхозов и совхозов. Это вовсе не означает, что речь идет о сознательно устроенном голоде, хотя, разумеется, как только он начался, Сталин — боясь возможных последствий и готовясь к ним¹³⁵ — решил воспользоваться им, чтобы преподать урок «уважаемым хлеборобам», которые должны были заплатить за свою «тихую» войну против Советской власти» (цитирую знаменитый ответ Сталина Шолохову в 1933 г.)¹³⁶. В отличие от 1931 и начала 1932 г. — когда голодающим районам, в том числе и Украине, оказывалась какая-то помощь¹³⁷, — начиная с лета 1932 г. и до начала весны 1933 г. умирающие с голоду крестьяне никакой помощи не получали (как мы увидим, потом она возобновилась выборочно, чтобы стимулировать сельскохозяйственное производство).

На Украине и в других основных нероссийских хлебородных районах, где в силу национального фактора конфликт государства с крестьянами достиг наивысшей остроты, Сталин использовал голод не только для того, чтобы, как указывалось выше, преподать урок, но и для того, чтобы уничтожить, как он полагал, естественную питательную среду для национализма. Это объясняет, почему Украина, Северный Кавказ и Казахстан возглавили список наиболее тяжело пострадавших районов. Кое-где, например на Кубани, руководители вроде Кагановича наказывали казаков и крестьян, забирая все имеющиеся товары и запрещая завозить новые. Таким образом действительно вызывался искусственный голод.

И в этом случае можно установить прямую связь с периодом 1919—1922 гг. Собственно, сам Каганович установил ее. Едва приехав на Кубань, он, к примеру, заявил на собрании местного руководства: «Следует помнить, что в 1921 г. мы высылали казаков, которые были против Советской власти... Раз тебе не нравится работать здесь, то мы тебя вышлем. Кто-то может возразить, сказать, что это незаконно. Неправда, совершенно законно. Ты против Советской власти, сеять не хочешь, значит, Советская власть имеет право с таким поведением бороться... Мы добьемся своего, товарищи секретари, с вами или через вашу голову»¹³⁸.

В последующие недели к «успокоению» деревни вновь привлекли Тухачевского, участвовавшего в высылке казачьих станиц и замене их военными сельскохозяйственными колониями вроде Красноармейска¹³⁹.

Всей стране преподали урок, действуя по простому принципу — если не работаешь, не даешь продукцию, то и не ешь, — воплощенному в системе трудодней, своего рода сдельщины, согласно которой хлеб между членами колхоза распределялся только исходя из числа реально отработанных дней. Между тем в селах народ умирал от голода, а недавно введенная паспортная система на законном основании лишала крестьян возможности спастись бегством (можно вспомнить, что паспорта были вновь введены в конце 1932 г. как раз для того, чтобы справиться с массовым бегством крестьян из охваченных голодом районов и вообще из деревни, начавшимся весной 1932 г.¹⁴⁰).

В отчете, написанном в мае 1933 г. одним высокопоставленным работником ЦИКа после поездки по Донской области, так говорится об успешном воздействии этого квази-павловского механизма:

«В большинстве сел "заговор молчания" [крестьяне полностью прекратили разговаривать с представителями власти. — А.Г.] нарушен. Люди снова стали говорить на митингах, хотя в данный момент лишь для того, чтобы попросить хлеба или пообещать работать как следует, если их будут кормить»¹⁴¹. Три месяца

спустя работник германского посольства д-р Шиллер, съездив на Украину и Северный Кавказ, пришел к тому же выводу:

«Отрезанным в своих селах... и лишенным всякой помощи, украинским крестьянам не осталось другого выбора, кроме как работать на правительство и таким образом выжить либо в буквальном смысле слова умереть с голоду. В этом заключается... секрет восстановления сельского хозяйства Украины...»¹⁴²

В то время, когда писались эти слова, летом 1933 г., сталинисты одержали над крестьянами полную победу. В деревне была установлена система, превратившая крестьян — все еще составлявших в конце десятилетия 70% населения страны — в подчиненную, легально подвергаемую дискриминации группу, судьба которой находилась в руках государства¹⁴³. Несмотря на мелкие конфликты, разумеется, продолжавшиеся, советское правительство наконец осуществило мечту 1920 г. Оно могло теперь брать все, что считало нужным, не давая крестьянам эквивалентного вознаграждения за их труд.

В сентябре 1935 г., когда хлебозаготовки без проблем принесли государству почти 40% урожая (ср. с 15% в годы нэпа), ликующий Лазарь Каганович так писал об этом чуде в своем письме Орджоникидзе:

«То, что происходит, например, с хлебозаготовками этого года, — это совершенно небывалая, ошеломляющая наша победа — победа сталинизма»¹⁴⁴.

То была и личная победа Сталина. Многие крестьяне теперь признали в нем сурового хозяина-«отца», которого невозможно ослушаться (хотя и можно «надуть» его на малую толику урожая). В этом, по моему мнению, один из корней несомненного утверждения с середины 30-х гг. культа Сталина и в деревне. Когда в 1946 г. снова разразился голод, кое-где звучали даже выражения благодарности отцу, не отказавшему совсем, как 13 лет назад, в помощи своим страждущим детям¹⁴⁵.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я хотел бы закончить несколькими замечаниями, отнюдь не являющимися окончательными выводами. Первое касается внутреннего смысла вышеописанной войны против крестьянства. Во введении я говорил, что то была важная составляющая длившегося десятилетиями конфликта, а также социального, экономического и политического регресса, вызванного в Европе Первой мировой войной. Сам факт, что великая крестьянская война со всеми атрибутами, обычно присущими такого рода событиям, имела место в Европе в середине XX века, — один из ярких признаков этого регресса.

Но война против крестьянства, отнюдь не являясь лишь симптомом и последствием регресса, геологического сдвига, обнажившего и вдохнувшего новую жизнь в самые примитивные и архаичные элементы европейского общества, была также и *самостоятельным источником регресса*. Не принимая этого во внимание, трудно понять, например, кардинальные черты сталинской эпохи.

Она демонстрирует нам особенно жестокий вид *деспотизма*, использующего находящиеся в его распоряжении современные средства, чтобы контролировать и регламентировать жизнь общества, искореняя его собственную инициативу и делая ее хаотичной (пример массового беззакония, порожденного коллективизацией, полагаю, достаточно поясняет значение этих слов)¹⁴⁶.

На близость сталинского режима к деспотизму, а не к современному «классическому» тоталитарному режиму указывает ряд черт: сбор дани и методы его проведения; восстановление в деревне особого рода

крепостничества (Бухарин называл его «военно-феодалной эксплуатацией крестьянства»); широкое использование квази-рабского труда в промышленности и строительстве; последний, но не менее важный пункт — многие черты характера самого деспота. Все это не означает отрицания или недооценки тоталитарных грез и устремлений режима, а также прикрытия его флером современности, столь им любимой (однако и обманывать нас они не должны). Не означает это и попытки объяснить появление в 1917 г. подобной политической системы, впоследствии «усовершенствованной» Сталиным, «отсталостью» и аграрным характером страны. В действительности сама система явилась шагом назад, причем важную роль тут сыграли идеология, политическая культура и деятельность большевиков¹⁴⁷.

Эта идеология и сам большевизм не были статичными феноменами — история вообще таковых не знает. Великий конфликт государства и крестьянства дает нам любопытную картину их природы и эволюции.

Как я уже говорил, партия, и прежде всего ее руководство, почти сразу, по крайней мере очень скоро, почувствовала, что становится — уже стала — антинародной, ведя войну с подавляющим большинством населения, от которого она защищалась, возрождая методы «конспирации».

События 1928—1933 гг. послужили углублению и распространению такого чувства и такой практики, в годы нэпа присущих в основном ядру твердых партийцев, сформированных «гражданской войной». Полагаю, не будет преувеличением — принимая во внимание все, происходившее в то время, — сказать, что имела место *криминализация* как партии, так и ее воинствующего ядра¹⁴⁸.

Это ядро прошло еще один «негативный» отбор. Понять, какой, не составляет большого труда. Фактически достаточно перечесть воспоминания Кравченко о пережитом в деревне начала 30-х гг. — свидетельство,

нашедшее сегодня подтверждение в бесчисленных архивных источниках, — чтобы получить представление о том, что видели и как поступали многие партийные кадры, а также о судьбе тех из них, кому это не нравилось (кстати, последних было не так уж и мало).

Идеология партии и ее верхушки сделала и еще один немаловажный скачок назад. Как я говорил, многие вынесли из эпохи «гражданской войны» презрение как к демократии, так и к массам. В некоторых кругах, например в окружении Дзержинского, под завесой официальной риторики в 20-х гг. носились идеи о том, что ввиду темноты масс суть задачи, стоящей перед партией, заключается в *модернизации*, которая, однако, не должна идти по капиталистическому пути. Партия, таким образом, представала в образе современного, коллективного царя-модернизатора — так сказать, нового Петра, — готового мобилизовать государство и его аппарат, чтобы подтолкнуть страну вперед.

Фактически в глазах многих лидеров, разочарованных в «рабочем классе» (Дзержинский считал советских рабочих «мертвым грузом» на пути к социализму¹⁴⁹) и удрученных постоянными поражениями на Западе, государство и его аппарат в 20-е гг. представляли собой *единственную* активную силу в стране (можно вспомнить проникновенные страницы, посвященные Раковским этим чувствам и идеям в конце десятилетия).

Благодаря не в последнюю очередь Горькому и его бесспорному таланту культурного «импресарио» Сталин мог в 1929 г. представляться олицетворением подобных идей (достаточно прочитать первый том «Петра Первого» А.Толстого, чтобы понять проведенную в романе параллель с современностью)¹⁵⁰.

Но, как обнаружил, к своему ужасу, Горький¹⁵¹, примитивный культурный багаж и насилие 1918—1922 гг. склонили иных большевистских лидеров — включая Сталина и многих членов его «дружины» — к другим образцам и ролям. Вот почему новая волна

антинародного насилия в 1928—1933 гг. и терзающие Сталина сомнения в лояльности «бойр» из старой гвардии большевиков — в том числе и немногих его друзей — легко воскрешают в памяти фигуру Ивана Грозного, к которому он чувствовал такую близость в середине 30-х гг.

Сколь парадоксальной оказалась участь партии, которая начинала свою деятельность в качестве наследницы Стеньки Разина¹⁵² и Пугачева, но очень скоро — когда Ленин еще открывал памятники руководителям великих крестьянских восстаний прошлого, — сражаясь против Пугачева-Махно, стала обнаруживать своих истинных предшественников в личностях великих царей и их слуг, вроде Аракчеева. Фактически эта «эволюция» уже к 1920 г. была столь очевидна, что Чернов смог вскрыть ее суть в своей знаменитой несанкционированной майской речи перед делегацией британских профсоюзов.

Тем не менее, ощущение связи с крестьянскими бунтами былых времен, пусть пассивное и отодвинутое на задний план, продолжало жить, периодически проявляясь в пропаганде и историографии системы, хранившей память об Энгельсе как о своем прародителе и выпустившей множество изданий его «Крестьянской войны в Германии», а также ряд трудов, посвященных крестьянским восстаниям прошлого.

Возвращаясь к крестьянской войне в СССР, можно, я думаю, сказать, что ее черты позволяют лучше понять все случившееся впоследствии, от террора до событий 1939—1941 гг. Это верно как в частности — вспомним хотя бы роль «школы» Евдокимова в самых кровавых эпизодах террора, — так и в более общем смысле. Как пронизательно заметил Пастернак, «дух» всего десятилетия нес на себе отпечаток событий, происходивших в первой его половине:

«Я думаю, коллективизация была ложной, неудавшейся мерою, и в ошибке нельзя было признаться. Чтобы скрыть неудачу, надо было всеми средствами устрашения отучить людей судить и думать и прину-

доть их видеть несуществующее и доказывать обратное очевидному. Отсюда беспримерная жестокость ежовщины...»¹⁵³

Я хотел бы, однако, привлечь внимание к связи этой войны с национальным вопросом. По прошествии времени со всей очевидностью выявилась несостоятельность мнения, будто ликвидация крестьянской проблемы автоматически послужит разрешению национального вопроса, а также парадоксальная участь, уготованная историей защитникам этого мнения: в конце концов они построили — путем урбанизации и индустриализации — новый и, пожалуй, более прочный фундамент для возрождения национальных устремлений. Позиция как левых, так и правых националистов, видевших после «гражданской войны» одну из главных причин своего относительного провала в нестабильности поддержки со стороны крестьян а posteriori получила оправдание, хотя бы отчасти.

Вообще, поскольку сельский мир в конце концов исчез повсюду, можно задаться вопросом, что было — и до сих пор остается — следствием того весьма специфического способа, каким в СССР «разрешили» эту проблему. Как мы знаем, он заключался в максимальном подавлении автономного — по собственной инициативе — участия крестьян в процессе модернизации, т.е. собственного исчезновения.

Можно утверждать, что, несмотря на «крестьянизацию» городов, в 30-е гг. значительно ослабла связь между городом и деревней, бывшая такой сильной и активной до 1917 года, когда она являлась большим подспорьем для урбанизированных крестьян. Именно в 30-е гг. появились обширные, устойчивые городские трущобы: в 1939 г. около трети населения жило в городах, и те, кому удалось бежать от нового «крепостного права», спрашивали себя: «Какой дурак будет держаться в совхозе?» — и думать не думали возвращаться в деревню.

Оставшиеся, загнанные в новые коллективные хозяйства, разумеется, пытались — как было отмечено

совсем недавно¹⁵⁴ — обернуть в свою пользу писанные режимом законы. Таким образом они сильно способствовали загниванию и неэффективности советской системы сельского хозяйства, которые уже были записаны в генетическом коде принципов, лежащих в основе ее построения.

То были, впрочем, арьергардные стычки на поле, выбранном государством, — в отличие от эпохи до 1917 г. и даже 20-х гг. — но, конечно, это не значит, что последнее достигло всех или хотя бы большей части своих целей или что оно было защищено от обратного влияния со стороны того окружения, которое оно так упорно старалось переделать¹⁵⁵.

События «гражданской войны» и безжалостная «модернизация» сверху объясняют также — как я полагаю — крайние формы, которые приняло в СССР такое более или менее универсальное явление, как *народная антипатия к современности в целом*, в том числе и ее положительным сторонам (заслужившим дурную репутацию из-за связи с советской системой). Как отмечал Мартов, такая антипатия существовала уже в 1920 г., но, как показывают крестьянские лозунги, настоящий взрыв ее произошел в начале 1930-х¹⁵⁶. Возможно, здесь мы имеем дело с одной из причин постоянного наличия как в СССР, так и на постсоветском пространстве огромного резервуара *реакционности*, и психологической, и идеологической.

Я хотел бы закончить размышлениями по поводу одной общей черты, присущей XX столетию. Своим появлением она обязана жестокой войне, состоявшей из множества отдельных жестоких конфликтов. Тот, кто был жертвой или даже всего лишь свидетелем одного из них, носил на себе его отпечаток всю оставшуюся жизнь, если толькo наш век впоследствии не наносил ему удара с другой стороны (в примерах недостатка нет, начиная с украинцев-галичан, становившихся коммунистами в борьбе против польского ига и столкнувшихся затем с голодом 1932—1933 гг. и/или

интервенцией 1939 г., и кончая немецкими коммунистами, переданными гестапо в 1939—1940 гг.).

Это помогает понять — как я полагаю — чрезвычайную силу *логики партийности*, доминирующей в XX веке. А жестокость, частота и разнонаправленность ударов объясняют, почему могли разойтись пути даже очень похожих людей, нередко имевших одинаковое прошлое. Эта мысль прекрасно выражена в письме, написанном в 20-е гг. эмигрантом-боротьбистом одному из своих товарищей, решившему остаться и сотрудничать с большевиками:

«Ты не осмелишься говорить обо мне как о твоём антиподе... И история с тобой согласится. Напишут: К., учитель начальной школы, крестьянин по происхождению, украинский эсер, впоследствии украинский коммунист-большевик; Х., учитель начальной школы, крестьянин по происхождению, украинский эсер. Оба боролись за победу трудового народа, за свое правительство, за "советскую систему", за Украину, за свободный мир... Почему один стал "янычаром", а другой нашел пристанище среди "освободителей"?.. Могло быть и наоборот. *Что сделает с нами история?*»¹⁵⁷

Когда сейчас, семьдесят лет спустя, читаешь труды по истории нашего столетия, невозможно отделаться от ощущения, что даже над лучшими из них, как над судьбами тех боротьбистов, властвуют трагические события 1912—1956 гг. Все написанное даже крупнейшими историками зачастую носит следы глубокого влияния неистовых штормов века, который они не выбирали и который нередко им не нравился. Я же лично считаю, что сегодня можно и нужно взглянуть ему в лицо *во всей его полноте*, не подпадая под его власть¹⁵⁸.

Примечания

- ¹ Я предпочитаю эти даты более бросающимся в глаза 1914—1945, поскольку, как показал Э.Алеви уже в 1929 г. в своей прекрасной работе «Une interprétation de la crise mondiale, 1914—1918», опублик. в книге «L'ère des tyrannies» (Paris, 1990), Первая мировая война пришла с востока и была инициирована развалом Османской империи, вызванным балканскими войнами 1912—1913 гг. Дата 1956 г., по моему мнению, основана на том, что для Восточной и Центральной Европы это был решающий переломный момент, когда закончился период, характеризовавшийся доминированием войны и военных режимов.
- ² См., напр.: Khodarkovsky M. The Stepan Razin Uprising: Was It a «Peasant War»? // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1994. № 42. S. 1—19.
- ³ Подробнее я говорю об этом в: *Collectivisation, révoltes paysannes et politiques gouvernementales à travers les rapports du GPU d'Ukraine de février—mars 1930* // *Cahiers du monde russe*. 1994. Vol. 35. P. 437—632. Интерпретация событий Большого Террора также часто страдает от пренебрежения картиной этой войны в целом.
- ⁴ См., напр.: Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921; Olcott M.B. *The Kazakhs*. Stanford, 1987; Pipes R. *Russia under the Bolshevik Regime*. New York, 1994, а также основанные на недавно открытых архивных материалах исследования М.Буттино, такие как: *Politics and Social Conflict during a Famine: Turkestan Immediately after the Revolution* // *In a Collapsing Empire* / Ed. by M. Buttino. Milano, 1993. P. 257—278; *Turkestan 1917, la révolution des Russes* // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1991. Vol. 1; *Ethnicité et politique dans la guerre civile: à propos du basmaçestvo au Fergana* // *Cahiers du monde russe*. [1997]. Vol. 1—2. P. 195—222.
- ⁵ См.: Graziosi A. «Building the First System of State Industry in History». Piatakov's VSNKh and the Crisis of the NEP, 1923—1926 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1991. Vol. 32. P. 539—580; G.L. Piatakov (1890—1937): *A Mirror of Soviet History* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1992. Vol. 16. № 1/2. P. 102—166; *At the Roots of Soviet Industrial Relations and Practices: Piatakov's Donbass in 1921* // A

- New, Peculiar State. Explorations in Soviet History, 1917–1937. Westport, CT: Praeger, 2000.
- ⁶ Lettere da Kharkov / Ed. A.Graziosi. Torino, 1991; Id. Collectivisation...; Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. М.: АИРО-XX, 1997.
- ⁷ В.П.Данилов и французские коллеги, сотрудничавшие с ним, были столь любезны, что пригласили меня участвовать в многотомном российско-французском проекте публикации сельсводок ВЧК–ОГПУ–НКВД (наше сотрудничество впоследствии прервалось, но я, тем не менее, очень благодарен за предоставленную мне возможность); О.Хлевнюк, А.Квашонкин и А.Лившин поделились со мной предварительными результатами своих исследований, публиковавшихся в многотомной серии «Документы советской истории», спонсируемой МГУ, Итальянским институтом философских исследований, Домом наук о человеке и Школой высших социальных исследований; Г.Бордюгов, привлечший меня к сотрудничеству в серии «Первая монография», выходящей под его редакцией, дал мне возможность познакомиться с работой ряда молодых российских историков; наконец, за последние шесть лет мое участие в Европейском семинаре по русской и советской истории позволило мне увидеть и услышать ряд молодых европейских ученых.
- ⁸ Можно упомянуть работы Дж.Брукса, П.Грегори, С.Хока, Х.-Д.Леве, С.Плаггенборга, Дж.Симмса, А.Станциани и Э.Уилбурга. См. также: Confino M. Present Events and the Representation of the Past: Some Current Problems in Russian Historical Writing // Cahiers du monde russe. 1994. Vol. 35. P. 839–868.
- ⁹ Количество земли, принадлежащей крестьянам, почти удвоилось с 1877 по 1905 г. За следующие 8 лет крестьяне купили еще 9 млн десятин.
- ¹⁰ Wcislo F.W. Soslovie or Class? Bureaucratic Reformers and Provincial Gentry in Conflict, 1906–1908 // The Russian Review. 1988. № 1. P. 1–24.
- ¹¹ Confino M. Traditions, Old and New: Aspects of Protest and Dissent in Modern Russia // Patterns of Modernity / Ed. by Sh.N.Eisenstadt. Vol. II. Beyond the West. London, 1987. P. 121–136.
- ¹² Последняя биография Махно, содержащая много нового материала о его юности: Волковинский В.Н. Махно и его крах. М., 1991. См. также: Доклад о волынках крестьян в Криворожском округе (по данным УЧОСО с 1 по 16 марта 1930 г.) // Graziosi A. Collectivisation... P. 531–548. И Чернов, и Спиридонова родом из Тамбова, места появления первых крестьянских братств и оплота эсеров уже в начале века.

- ¹³ См., напр., его работу: *Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец / Под ред. Т.Шанина. М., 1992. С. 310—321*; или его введение к прекрасному изданию: *Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов, 1994. Конечно, наши интерпретации не всегда совпадают. Я, к примеру, убежден, что, не будь войны, волнения, несомненно имевшие место среди крестьян, не переросли бы в революцию и постепенно были бы ослаблены в результате столь же несомненно имевшего место социального и экономического развития — невзирая на множество жертв, требуемых последним, и присущие ему противоречия.*
- ¹⁴ *Весьма разумные замечания по этому поводу см.: Dioneo (Šklovskij). The Russian Peasant — What is He? // The New Russia. 1920. № 22 (1 July). P. 264—269.*
- ¹⁵ *Кавычки здесь употреблены, конечно, потому, что история не идет и не может идти вспять. Тем не менее, при более суровых условиях могут «избираться» институты, социальные организмы и типы социального поведения, которые проще и, таким образом, «примитивнее» ранее существовавших, хотя и гораздо «современнее».*
- ¹⁶ *Я рассматриваю этот вопрос в статье «У истоков европейского XX века» — моем предисловии к итальянскому (Torino, 1994) изданию работы: Mises L., von. Nation, Staat und Wirtschaft. Wien, 1919.*
- ¹⁷ *По словам Э.Чиннеллы, М.Рейман первым употребил это выражение, заимствованное Чиннеллой (La rivoluzione bolscevica. Lucca, 1994. P. 46 ff.) и М.Левинем (Russia, USSR, Russia. New York, 1995. P. 5, 155 passim).*
- ¹⁸ *См.: Confino M. Issues and Nonissues in Russian Social History and Historiography // KIARS Papers. Vol. 165. Washington, DC, 1983; а также мою статью: Stalin's Antiworker «Workerism» // International Review of Social History. 1995. Vol. 40. P. 223—259.*
- ¹⁹ *Россия в мировой войне. М., 1925. С. 19 и сл.; Golovine N.N. The Russian Army in the World War. New Haven, 1930. P. 51; Stanziani A. Economistes, bureaucrates et paysans: la question des approvisionnements agricoles en Russie, 1914—1917 // Cahiers du monde russe. 1995. Vol. 36. P. 71—94.*
- ²⁰ *В 1877 г. было 8,5 млн крестьянских дворов, в 1905 г. — 12 млн. В 1916 г. их насчитывалось 16 млн, причем многие были мононуклеарными, а 10 лет спустя — уже почти 22 млн.*
- ²¹ *Можно утверждать, что российский плебейский большевизм вообще имел такие черты, заметные в его «социалистически-революционной» идеологии. Еще более очевидны они были*

- у некоторых идеологов ПСР, но, как правило, затушевывались и ослаблялись такими факторами, как имперский, «космополитический» характер российского национального самосознания.
- 22 Затонский В.П. Октябрь 1917 года в Киеве // В защиту революции. Киев, 1977. С. 9—22; Правда. 1918. 30 апр.; Очерки истории Коммунистической партии Украины. Киев, 1964. С. 257; Рафес М.Г. Два года революции на Украине. М., 1920. С. 7.
- 23 По всей Восточной Европе деревня являлась существенным фактором в развитии национализма. Однако сами крестьяне выказывали глубоко неоднозначное отношение к усилиям националистов и предоставляли им весьма непрочную и ненадежную поддержку (по крайней мере до появления движений, которые смогли объединить социальные и национальные вопросы и таким образом вовлечь крестьянство в «национально-освободительную борьбу»). В действительности крестьяне принадлежали к так называемой «донациональной» культуре и потому неосознанно являлись, в каком-то смысле, членами квази-«антропологического» интернационала «темного» люда, если воспользоваться уничижительным выражением, употреблявшимся в российских (и не только российских) городах. Как ни парадоксально, одной из отличительных черт программы этого интернационала моделей поведения и верований был локализм.
- 24 См. замечания М.Левина по этому поводу в его работе: *Civil War: Dynamics and Legacy* (1988), опубли.: Russia, USSR, Russia. P. 42—71.
- 25 Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики советов, 1917—1920 гг. М., 1988. Правда, многие из этих офицеров не являлись кадровыми офицерами царской армии, среди которых нижние чины были выкошены в первые месяцы войны. Это были, скорее, более или менее образованные штатские, чье продвижение в чине обусловила сама война. См.: *The Civil War in Russia. A Roundtable Discussion // Russian Studies in History*. 1994. № 4. P. 73—95.
- 26 Buttino M. *Ethnicité et politique dans la guerre civile*.
- 27 Относительно периода 1917—1918 гг. см.: Gorky M. *Untimely Thoughts* / Ed. by M.D.Steinberg. New Haven, 1995. Большинство сведений об эволюции взглядов Горького я обязан Д.Стейла, представившей доклад на эту тему на Европейском семинаре по русской и советской истории (Неаполь, сентябрь 1994 г.).
- 28 В особенности мало было известно о левых эсерах, несмотря на труды Рэдки. См. о них: Häfner L. *Die Partei der linken*

- Sozialrevolutionäre in der Russischen Revolution. Köln, 1994; Cinnella E. The Tragedy of the Russian Revolution. Promise and Default of the Left Socialist Revolutionaries in 1918 // Cahiers du monde russe. 1997. Vol. 1—2. P. 45—82.
- 29 Пастернак Б. Доктор Живаго. М., 1989. С. 174. Милоков пришел к выводу, что большевики сохранили русскую государственность, которой угрожало Временное правительство (и крестьянская революция). Мою оценку роли идеологии, в особенности марксизма, в рождении этого нового «сверхгосударства» см.: G.L.Piatkov. P. 106—119.
- 30 Френкин М.С. Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918—1921 г. Иерусалим, 1987; Яров С.В. Крестьянские волнения на северо-западе Советской России // Крестьяноведение. Ежегодник 1996 / Под ред. В.П.Данилова, Т.Шанина. М., 1996. С. 134—159; Graziosi A. State and Peasants in the Reports of the Political Police, 1918—1922 // A New, Peculiar State. P. 65—118; Brovkin V.N. Behind the Front Lines of the Civil War, 1918—1922. Princeton, 1994 (последнее добавление к короткому списку исследований, посвященных этим проблемам. К этому же списку относится работа: Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in the Revolution. Oxford, 1989, где можно найти (с. 61—69) рассмотрение вопроса о том, как старые сельские структуры породили сельские советы в начале 1918 г. Лучшей из «старых» книг остается: Chamberlin W.H. The Russian Revolution. New York, 1935).
- 31 См., напр.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. С. 26, 35—36, 51. Можно привести и множество других советских документов того времени (некоторые из них, относящиеся к жизни украинских городов в 1919 г., я использовал в своей работе «Большевики и крестьяне на Украине, 1918—1919 годы». Эти документы поднимают, на мой взгляд, очень важный вопрос о реальности власти большевиков на местах даже в разгар, как принято считать, наиболее идеологизированного, «героического» периода этой власти.
- 32 Вероятно, оглядываясь назад, многие из крестьян, бунтовавших против этой политики, вспоминали о ней потом как об относительно умеренной, особенно в том, что касалось реквизиций. См.: Fedyshyn O.S. Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution. New Brunswick, 1971.
- 33 Стоит отметить, что на довоенной Украине городские жители, т.е. не украинцы, скупили в процентном отношении гораздо больше помещичьей земли, чем в России. В то же время украинские крестьянские семьи были соответственно

- гораздо больше обременены военной повинностью (Россия в мировой войне. С. 22).
- 34 Возможно, исключение составляли лишь неопытные и слабые боротьбисты. См.: Majstrenko I. Borot'bism: A Chapter in the History of Ukrainian Communism. New York, 1954.
- 35 Adams A.E. Bolsheviks in the Ukraine. The Second Campaign, 1918—1919. New Haven, 1963; Id. The Great Ukrainian Jacquerie // The Ukraine, 1917—1921. A Study in Revolution / Ed. by T.Hunczak. Cambridge, Mass., 1977. См. также мою работу «Большевики и крестьяне на Украине, 1918—1919 годы».
- 36 Повстанцы, судя по их собственным документам, выступали за свободно избираемые советы, против коммунизма, против коммуны, против комиссаров, против евреев, против реквизиций, поборов и казней. См.: Holquist P. A Russian Vendée: The Practice of Revolutionary Politics in the Don Territory, 1917—1921: PhD Dissertation. Columbia University, 1994. P. 490—491.
- 37 Рейнгольд И.И. Докладная записка по вопросу о нашей «казачьей политике» на Дону в Центральный Комитет РКП, 6 июля 1919 // Большеви́стское руководство. Переписка, 1912—1927 / Под ред. А.В.Квашонкина и др. М., 1996. С. 107; Козлов А. Рассказачивание // Родина. 1990. № 6. С. 64—71; № 7. С. 43—47; Венков А.В. Донское казачество в гражданской войне. Ростов, 1992; Генис В.Л. Рассказачивание в Советской России // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 29—41; Holquist P. A Russian Vendée.
- 38 Действительно, уже упоминавшееся массовое выдвижение народных кадров, в том числе и криминального характера, поставило перед Москвой серьезные проблемы по контролю над ними и обузданию их, да иначе и быть не могло.
- 39 См., напр., заявления Яковлева (Эпштейна): Первый съезд КП(б)У. Протоколы / Под ред. М.Равич-Черкасского. Харьков, 1923. С. 69 и сл.
- 40 Второй съезд КП(б)У. Протоколы / Под ред. В.П.Затонского. Харьков, 1927. С. 96 и сл.
- 41 Восьмой съезд РКП(б). Стенограмма заседаний военной секции // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9—11; РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 5 (Отдел ЦК РКП(б) по работе в деревне, 1919—1920).
- 42 См. вышеупомянутые работы Фигеса и Бровкина.
- 43 Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне: В 4 т. М., 1924—1933; Раковский Х. Борьба за освобождение деревни. Харьков, 1920. Это, пожалуй, наиболее интересные свидетельства современников, но вообще литература чрезвы-

- чайно обширна, и еще больше массив доступных теперь материалов бывших советских архивов.
- 44 Различные источники насчитывают общее число жертв погромов от 50 000 до 200 000. См.: Heifetz E. *The Slaughter of the Jews in the Ukraine in 1919*. New York, 1921; Чериковер И. *Антисемитизм и погромы на Украине, 1917—1918*. Берлин, 1923; *The Pogroms in the Ukraine under the Ukrainian Governments, 1917—1920* / Ed. by L.Motzkin. London, 1927; Pipes R. *Russia under the Bolshevik Regime*. P. 110—112.
- 45 Савченко В.А. Измена «батьки» Махно и «железная метла» Л.Д.Троцкого // *История СССР*. 1990. № 2. С. 75—90; Верстюк В.Ф. *Махновщина: селянський повстанський рух на Україні*. Київ, 1991. Ответственность Троцкого за поражение в мае — июне, возможно, сделала Ленина восприимчивым к маневрам Сталина, которые осуждались на VIII съезде партии и успех которых проявился во время июльского кризиса в Политбюро.
- 46 Доля крестьян в вывозе зерна на дальние расстояния снизилась уже в 1914—1917 гг. Помещики же и крупные земельные собственники сократили свою торговлю на местных рынках, где возросло присутствие крестьян.
- 47 Мой друг Антонелло Вентури, когда я выразил свое удивление по поводу постоянного упоминания об этой «эсеровщине» в донесениях органов внутренних дел, заметил, что удивительного тут мало. ПСР была популистской партией, старавшейся подхватывать народные, в особенности крестьянские, требования. Поэтому эсеровская программа была отражением народных настроений, а не наоборот.
- 48 Генис В.Л. *Рассказачивание в Советской России*. С. 47. Коллегаев требовал также сжигать дотла мятежные хутора, см.: Holquist P. *A Russian Vendée*. P. 500.
- 49 Южный фронт был создан в сентябре 1918 г. взамен Северокавказского военного округа, образованного в июле. См.: Колесниченко И. К вопросу о конфликте в Реввоенсовете Южного Фронта // *Военно-исторический журнал*. 1962. № 2. С. 39—47; Минц И.И. Сталин в гражданской войне // *Вопросы истории КПСС*. 1989. № 11.
- 50 РГАСПИ. Ф. 558 (Сталин). Оп. 1. Д. 1812. Л. 3; Тушнис М.А. Еще раз о кадрах чекистов 30-х годов // *Вопросы истории*. 1993. № 6. С. 190—191. В бывших партийных архивах есть много документов начала 20-х гг., разоблачающих широко распространенную коррупцию и кумовство среди политических и военных клик, управлявших южными городами. См., напр., донесение М.И.Муралова Ярославскому из Ставрополя, находившегося тогда в руках продаж-

- ной и морально разложившейся камарильи пьяниц, защищаемых губкомом партии (Большевистское руководство. С. 194). Об образе жизни Ворошилова в 1919 г. см.: Brovkin V.N. Behind the Front Lines... P. 137. О Ворошилове и Буденном в конармии и конармейских «нравах» см. донесение Пятакова Троцкому в декабре 1919 г.: РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 33897 (Секретариат Председателя РВС СССР). Оп. 2. Д. 32. Л. 533. О Евдокимове см.: Золотарев В., Шаповал Ю. Карьера ката // Розбудова державы. 1995. № 1. С. 27–36.
- ⁵¹ Наиболее важные из них, пожалуй, характер, идеологическая «чистота» и национальность Троцкого; ленинская поддержка Сталина, особенно с июля 1919 г. до лета 1922 г.; личные качества Сталина и отсутствие у него колебаний, идеологических и каких-либо иных.
- ⁵² Думаю, и Э.Кинан и М.Левин ошибались, трактуя, хотя и по-разному, события после 1917 г. как «возврат» к прошлому.
- ⁵³ См.: Эпистолярное наследие // Военные архивы России. 1993. № 1. С. 404–411; Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов / Под ред. О.Хлевнюка и др. М., 1995. С другой стороны, это еще и чисто мафиозный жаргон, и такое совпадение неслучайно.
- ⁵⁴ Werth N. Une source inédite: les Svodki de la Tcheka – OGPU // Revue des études slaves. 1994. Vol. 66. P. 27; Danilov V.P., Berelowitch A. Les documents des VČK – OGPU – NKVD sur la campagne soviétique, 1918–1937 // Cahiers du monde russe. 1994. Vol. 35. P. 633–682.
- ⁵⁵ Доклад главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики С.С.Каменева председателю РВСР Л.Д.Троцкому о состоянии борьбы с бандитизмом в разных регионах страны (9 февраля 1921 г.) // Повстанческие движения на Украине. 1921 г. Комплект документов из фондов ЦГАСА / Под ред. Н.Е.Елисеевой. М., 1991. Я смог увидеть «Обзор Секретного отдела ВЧК о восстаниях ("бандитизме") на территории бывшей России», датированный 11 декабря 1920 г., лишь когда эти строки были уже написаны (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 159. Л. 1–23). Об Антонове и антоновщине см. также: Radkey O.H. The Unknown Civil War in Soviet Russia. Stanford, 1976; Крестьянское восстание на Тамбовщине (1921–1922). Комплект документов из фондов ЦГАСА / Под ред. Н.Е.Елисеевой. М., 1991; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии.
- ⁵⁶ Стоит отметить, что некоторые из разбитых «украинских» большевиков, вроде А.Г.Шлихтера, властвовали в 1920 г. в Тамбовской губернии, вымещая зло на местном крестьянстве.

- 57 Этот термин, буквально означающий «бандиты», использовался советскими войсками при подавлении местной партизанской борьбы. Поэтому его следует употреблять только в кавычках. Сами «басмачи» называли себя «джигиты» — воины. Конечно, некоторые из них часто вели себя как настоящие бандиты — что в большей или меньшей степени характерно для всех партизанских движений в истории.
- 58 Цифра по «басмачам» взята из: РГВА. Ф. 272. Оп. 2. Д. 55. Л. 1—42; по Дагестану — из сводки ВЧК от 15 апр. 1921 г. М.Буттино и В.П.Данилов любезно показали мне эти два документа. В сентябре 1922 г. «джигитов» все еще было больше 20 000.
- 59 О крестьянском движении на черноморском побережье см.: Воронович Н.В. «Зеленые» повстанцы на Черноморском побережье // Архив русской революции. 1922. № 7. Я нашел два документа «Комитета освобождения» Черноморского правительства в архиве Министерства иностранных дел Италии и опубликовал их: Rivista di Storia Contemporanea. 1988. № 3. P. 436—443.
- 60 О Сибири см. донесение Павлуновского Дзержинскому: РГАСПИ. Ф. 76 (Дзержинский). Оп. 3. Д. 167. Л. 90; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. С. 16.
- 61 Литвин А.Л. Красный и Белый Террор в России // Отечественная история. 1993. № 6. С. 46—62; и, конечно: Melgunov S.P. The Red Terror in Russia, 1918—1923. London, 1925.
- 62 Werth N. Specpereselency // Nouvelles directions de la recherche sur les années Trente: Colloque. MSH. Paris, May 1996; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. С. 172 и сл. (см., в частности, приказы № 130, 171).
- 63 Внутренние войска советской республики, 1917—1922. М., 1971; Гриф секретности снят / Под ред. Г.Ф.Кривошеева. М., 1993; Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime. P. 383.
- 64 По подсчетам, в Первую мировую войну погибли 1,8 млн солдат, включая тех, что были ранены и умерли позже, и 1,5 млн гражданских лиц. За период 1918—1922 гг. умерли еще 12,6 млн чел. Боевые потери в гражданской войне составляли лишь 800 000 чел., 8 млн гражданских лиц умерли в 1918—1920 гг., т.е. до голода. Наихудшими были 1920 и 1921 гг., когда уровень смертности достиг соответственно 45,4 и 39,8 чел. на тысячу (см.: Blum A. Naître, vivre et mourir en URSS, 1917—1991. Paris, 1994. P. 88 ff.). В Средней Азии между 1917 и 1920 гг. исчезли 1—1,5 млн чел. Некоторые из них эмигрировали, но подавляющее большинство погибли от эпидемий, голода и репрессий. См.: But-

- tino M. Study of the Economic Crisis and Depopulation in Turkestan, 1917—1920 // Central Asian Survey. 1990. № 4.
- 65 Классическое издание на английском языке: Chayanov A.V. On the Theory of Peasant Economy / Ed. by D.Thorner, B.H.Kerblay, R.E.F.Smith. Homewood, Ill., 1966.
- 66 Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций, 1918—1956. Киев, 1958. С. 91—101.
- 67 Значительную часть «рабочего класса», учитывая его традиционно тесные связи с деревней и враждебность к политике большевиков, начиная с весны 1918 г. тоже следовало отнести в список врагов режима. Такую точку зрения полностью подтверждают сводки ВЧК. Некоторые из них цитируются в: Brovkin V.N. Behind the Front Lines...
- 68 Члены ЦК активно пользовались своим правом участвовать в «обычных» заседаниях Политбюро до 1934—1935 гг. См.: Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 183 и сл.
- 69 Термин «гражданская война», в силу его общепринятости, нам, по-видимому, придется употреблять и в будущем. Однако я поставил его в кавычки, чтобы подчеркнуть его неточность с научной точки зрения. Мы имеем дело не просто с «гражданской войной в России», а с запутанным узлом национальных и социальных конфликтов.
- 70 Среди факторов, играющих здесь важную роль, можно назвать взрыв националистических движений в Польше, Финляндии, на Украине и т.д. и их несомненные народные корни. См.: Рафес М.Г. Два года революции на Украине. С. 135.
- 71 Такую позицию разделяли и лидеры Бунда, выступавшие против демократии не только из-за поведения польских и украинских «масс», но и потому, что их собственный народ постоянно отдавал предпочтение религиозным и националистическим партиям.
- 72 Вестник Наркомвнутрдел УССР. Киев, 1919. 1 мая. С. 5; Berkman A. The Bolshevik Myth, 1920—1922. London, 1925. P. 174; Рафес М.Г. Два года революции на Украине. С. 134 и сл.; стенограмма речи Орджоникидзе 24 марта 1930 г.: РГАСПИ. Ф. 85 (Орджоникидзе). Оп. 1/сек. Д. 123. Л. 1—9. Позже Петровский стал пламенным антисталинистом.
- 73 С формальной точки зрения, по крайней мере до принятия Конституции 1936 г. руководящая роль партии была незаконной. Поэтому забота о сокрытии того факта, что акты и декреты государства, правительства и высших судебных органов часто копируют предварительные решения партии, стала еще одним важным фактором развития «конспирации» и ее аппарата.

- ⁷⁴ На это указывают сотни писем большевистских лидеров после 1917 г., собранные Квашонкиным, Хлевнюком и автором этих строк для издания «Большевистское руководство. Переписка» — второго тома в серии «Документы советской истории». На семинаре в Йельском университете М.Штейнберг верно заметил, что подобное поведение было характерно для интеллигентских кругов до 1917 г. И все же я по-прежнему полагаю, что после «гражданской войны» мы имеем дело с качественно иной ситуацией.
- ⁷⁵ М.Левин напомнил мне, что Троцкий называл Сталина в период до 1922 г. «начальником штаба» Ленина. Троцкий, а вслед за ним и многие историки, возможно, считал подобное определение уничижительным. На деле же оно представляло собой точную оценку растущей власти и роли Сталина.
- ⁷⁶ Серго Микоян первый привлек мое внимание к «рассудительности» Сталина, особенно в 20-е гг. О взаимоотношениях Ленина и Сталина см.: Graziosi A. *At the Roots of Soviet Industrial Relations...* P. 102, 129; Кун М. Бухарин, его друзья и враги. М., 1992. С. 111 и сл.; Pipes R. *Russia under the Bolshevik Regime*. P. 464 ff. Думаю, именно близость этих отношений помогает понять остроту реакции Ленина, когда он понял, что сильно промахнулся в оценке своего лейтенанта.
- ⁷⁷ Компартия Украины в резолюциях... С. 116 и сл.
- ⁷⁸ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. С. 14 — 15.
- ⁷⁹ Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 24 и сл. О повинностях см.: Graziosi A. *At the Roots of Soviet Industrial Relations...* P. 119. Письмо Осинского см.: Большевистское руководство. С. 204. Я смог ознакомиться со сводками ВЧК благодаря уже упоминавшемуся проекту под руководством В.П.Данилова.
- ⁸⁰ Fisher H.H. *Famine in Soviet Russia, 1919—1922*. New York, 1927; Nakai K. *Soviet Agricultural Policies in the Ukraine and the 1921—1922 Famine* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1982. Vol. 6. № 1. P. 43—61; Serbyn R. *The Famine of 1921—1923: A Model for 1932—1933?* // Serbyn R., Krawchenko V. *Famine in Ukraine, 1932—1933*. Edmonton, 1986. P. 147—178; Pipes R. *Russia under the Bolshevik Regime*. P. 410 ff.; Венер М. Голод 1921—1922 гг. в Самарской губернии и реакция советского правительства // *Cahiers du monde russe*. 1997. Vol. 1—2. P. 223—241; Graziosi A. *State and Peasants in the Reports of the Political Police*. P. 65—118.
- ⁸¹ Раковский Х.Г. Борьба за освобождение деревни. С. 58—59; Шлихтер А.Г. Борьба за хлеб на Украине в 1919 году // *Летопись революции*. 1928. № 2. С. 96—135.

- ⁸² Graziosi A. At the Roots of Soviet Industrial Relations... P. 116—117; Rapport du département Information de l'O.G.P.U. sur la situation politique et économique de la R.S.F.S.R. pour le mois de mai et juin 1922 // Rapports secrets soviétiques / Ed. par N.Werth, G.Moullec. Paris, 1994. P. 185—187.
- ⁸³ См. также: Lewin M. Russia, USSR, Russia. P. 42; Венер М. Голод... Сильные эпидемии тоже прекратились только в 1923 г.
- ⁸⁴ См. также: Есиков С.А., Протасов Л.Г. Антоновский нэп // Отечественная история. 1993. № 4. С. 61—72 (о частичном совпадении ленинского нэпа с программой антоновщины).
- ⁸⁵ Мелкие производители обычно поддерживали жесткие формы контроля над крупной промышленностью, т.е. «социалистические» требования, оставаясь при этом яркими защитниками собственного образа жизни. Такое противоречивое поведение объясняет многие парадоксы двух прошлых веков. См.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. С. 79—81.
- ⁸⁶ Возможно, следовало бы сказать: «их утопия может работать». В действительности многих крестьян, в частности наиболее энергичных и/или имеющих большие семьи, возмущала экономическая политика большевиков, связывавшая им руки, вызывавшая снижение производительности и производства и, под видом поощрения наиболее слабых элементов, зачастую потворствовавшая коррупции и кумовству, как, например, в колхозах. См.: Stanziani A. Le cooperative di produzione in URSS, 1921—1928 // Annali della Fondazione Einaudi. 1988. Vol. 22. P. 237—264.
- ⁸⁷ Danilov V.P., Berelowitch A. Les documents de VČK—OGPU—NKVD...; Romano A. «Contadini in uniforme» e potere sovietico alla metà degli anni 20 // Rivista storica italiana. 1992. Vol. CIV. P. 730—795; Id. Peasant-Bolshevik Conflicts inside the Red Army on the Eve of Dekulakization // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1994. Bd. 52. S. 95—121; Wehner M. «Die Lage vor Ort ist unbefriedigend». Die Informationsberichte des sowjetischen Geheimdienstes zur Lage der russischen Bauern in den Jahren der Neuen Ökonomischen Politik (1921—1927) // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 1994. S. 64—87; Лившин А.Я. Местная власть глазами людей 20-х годов: письма «снизу» эпохи Нэпа (см. эту статью на фр. яз.: Communisme. 1995. Vol. 42—44. P. 95—114); Rapports secrets soviétiques. P. 95—116; Кун М. Бухарин, его друзья и враги. С. 229.
- ⁸⁸ Graziosi A. Stalin's Antiworker «Workerism». P. 229—230.

- ⁸⁹ Сводки Политуправления армии, любезно показанные мне А.Романо, опубликованы в: Красная армия и коллективизация деревни в СССР, 1928—1933. Сборник документов из фондов РГВА / Под ред. А.Романо, Н.Тарховой. Неаполь, 1997. См. также: Reese R.R. Red Army Opposition to Forced Collectivization, 1929—1930 // *Slavic Review*. 1996. № 1. P. 24—45.
- ⁹⁰ См.: Lewin M. *La paysannerie et le pouvoir soviétique, 1928—1930*. Paris, 1968. К 1928 г. рядом с милитаристским ядром, сформированным «гражданской войной», выросла партия сторонников нэпа. Последние были достаточно сильны численно, чтобы успешно спорить с первыми, которые, тем не менее, значительно превосходили их силой воли, выдержкой и организаторскими способностями.
- ⁹¹ Правда, во время Первой мировой войны на крестьян во всей Европе не распространялась карточная система, но тогда никто не пытался отнять у них землю, скот и бóльшую часть урожая. В условиях, сложившихся в 30-е гг. в СССР, такое исключение, сохранявшееся вплоть до отмены карточной системы в конце 1934 г., означало, что Советское государство официально решило не считать крестьян своими подданными. О карточной системе и ее последствиях см.: Осокина Е.А. Иерархия потребления. М., 1993, а также диссертацию Дж.Хесслер, предварительно озаглавленную «Culture of Shortages: Exchange Practices and Material Values in Russia, 1917—1953» (Чикагский университет), с некоторыми разделами которой мне была любезно дана возможность ознакомиться.
- ⁹² Кун М. Бухарин, его друзья и враги. С. 247. Об убеждении Сталина и сталинистов, что они находятся в состоянии войны с крестьянством, см., напр.: Churchill W. *La seconda guerra mondiale*. Vol. VIII. *La battaglia d'Africa*. Milano, 1970. P. 111—112 — или заявление Жданова в 1934 г. о «пережитках военного периода»: Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 55.
- ⁹³ Фельштинский Ю.Г. Конфиденциальные беседы Бухарина // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 182—203. В конце 1927 г. Бухарин тоже был убежден, что Советское государство теперь с легкостью может раздавить «кулака». Он сказал тогда итальянскому профсоюзному деятелю, что у партии «достаточно сил, чтобы уничтожить кулака в 24 часа»: Delle Piane A. *Impressioni di un viaggio in URSS*. Roma, 1933. P. 91.
- ⁹⁴ Из «Письма к Федору» // Политический дневник. 1966. Вып. 25, окт. С. 148 и сл. Летом 1928 г. открыто обсуждался тот факт, что сталинская политика может спровоцировать

голод (Фельштинский Ю.Г. Конфиденциальные беседы Бухарина. С. 198).

⁹⁵ Graziosi A. G.L.Piatkov. P. 142.

⁹⁶ У меня сложилось впечатление, что отчеты работников ЦИК отличаются большей человечностью. Возможно, некоторые члены небольшевистских социалистических партий, не принятые в ОГПУ или партаппарат, нашли прибежище в государственном аппарате. Но это лишь гипотеза.

⁹⁷ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927—1932 / Под ред. В.П.Данилова, Н.А.Ивницкого. М., 1992; Danilov V.P., Berelowitch A. Les documents de VČK—OGPU—NKVD... P. 657—676; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994; Колективизация і голод на Україні, 1929—1933 / Ред. С.В.Кульчицкий. Київ, 1993; Rapports secrets soviétiques. P. 116—131; Graziosi A. Collectivisation...; Земсков В.Н. Спецпоселенцы // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3—16; Он же. Кулацкая ссылка в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 3—21. Необходимо подчеркнуть, что картина эта очень близка к той, которую нарисовал В.Кравченко (I Chose Freedom. New York, 1946 — пожалуй, лучший рассказ очевидца о тех трагических годах), и что кое-какие документы были доступны по меньшей мере с 50-х гг. Например, М.Фейнсод в своем фундаментальном труде «Smolensk under Soviet Rule» (Cambridge, Mass., 1958) цитирует ряд из них и рисует картину коллективизации, в достаточной мере подтвержденную сегодняшними находками. Часть смоленских документов опубли.: Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива. Книга первая. 1929. Кулаки и партейцы / Под ред. С.Максудова. Энн Арбор, 1987.

⁹⁸ См.: Адибеков Г.М. Спецпереселенцы — жертвы «сплошной коллективизации» // Исторический архив. 1994. № 4. С. 145—180. Там опубликованы документы о спецпереселенцах из «особой папки» Политбюро.

⁹⁹ Коллективизация: истоки, сущность, последствия: Беседа за круглым столом // История СССР. 1989. № 3; Werth N. Le pouvoir soviétique et l'Eglise orthodoxe de la collectivisation à la Constitution de 1936 // Revue d'Etudes comparatives Est-Ouest. 1993. № 3—4. P. 43.

¹⁰⁰ Holquist P. A Russian Vendée. P. 432—437.

¹⁰¹ Как верно заметил Дж.Хейнзен, по крайней мере до 1929 г. это было не единственным обоснованием коллективизации. В конце периода нэпа многие партийные деятели и некоторые беспартийные специалисты по сельскому хозяйству «поддерживали идею широкомасштабной коллективизации

- сельского хозяйства как "рациональную", "современную" и "прогрессивную» (цитирую по частному письму). Подобные иллюзии многие десятилетия сохранялись в литературе об этом явлении, но в деревне они были быстро развеяны реалиями сталинского наступления.
- ¹⁰² Херсонский Окротдел ГПУ. Докладная записка о состоянии Херсонского округа в связи с колхозным строительством и посевкампанией // РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1/сек. Д. 123. Л. 10—21; Lewin M. La paysannerie et le pouvoir soviétique.
- ¹⁰³ Были также элементы преемственности по отношению к эпохе 20-х гг. Как известно, уже в годы нэпа «ничто так не возбуждало враждебность в крестьянской среде к политике Советской власти, как стиль "управления" и образ жизни местной бюрократической элиты» (Лившин А.Я. Местная власть...)
- ¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162 (особая папка Политбюро). Д. 10. Л. 126; Д. 12. Л. 30, 126.
- ¹⁰⁵ Адиебеков Г.М. Спецпереселенцы... С. 176; Ссылные мужики. Правда о спецпоселках / Под ред. Н.В.Тепцова // Неизвестная Россия XX века. 1992. Т. 1. С. 183—269; Danilov V.P., Berelowitch A. Les documents de VČK—OGPU—NKVD... P. 668—670; Rapports secrets soviétiques. P. 132—134, 136—145, 356—374.
- ¹⁰⁶ Адиебеков Г.М. Спецпереселенцы...; Земсков В.Н. Спецпоселенцы; Его же. Кулацкая ссылка в 30-е годы; Его же. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С. 151—162; Его же. Судьба «кулацкой ссылки» (1930—1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118—147; Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930—1938 гг. Документы и материалы: В 3 т. / Под ред. В.П.Данилова. Новосибирск, 1992—1994.
- ¹⁰⁷ Ср., напр., вышеупомянутые сводки со свидетельствами, собранными в: The Black Deeds of the Kremlin. A White Book. Vol. I. Toronto, 1953. P. 187—308; Vol. II. Detroit, 1955.
- ¹⁰⁸ Вполне возможно, стремление «воспользоваться шансом» при раскулачивании лишь временно нарушило единство, уже существовавшее в 1929 г. По словам Каменева, сталинские чрезвычайные меры подтолкнули бедных крестьян к «кулакам» еще в 1928 г., когда — несмотря на весенние обещания — государство не стало помогать бедняку, вынудив его обращаться к зажиточному односельчанину за семенными и прочими ссудами. —См.: Фельштинский Ю.Г. Конфиденциальные беседы Бухарина. С. 202.
- ¹⁰⁹ Danilov V.P., Berelowitch A. Les documents de VČK—OGPU—NKVD... P. 671—676. Я не имел возможности ознакомиться с работой Л.Виола: Peasant Rebels under Stalin.

- Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford, 1997.
- 110 См. стенограмму упомянутой речи Орджоникидзе. Можно отметить, что к концу 20-х гг. религия и церковь поистине были делом крестьян. Фактически они «окрестьянились» в результате отделения церкви от государства, репрессий среди традиционных церковных иерархов и разрыва вековых связей последних с традиционными элитами страны.
- 111 Danilov V.P., Berelowitch A. Les documents de VĚK — OGPU — NKVD... P. 677 — 680; Васильев В. Крестьянские восстания на Украине, 1929—1930 годы // Свободная мысль. 1992. № 9. С. 70—78; Graziosi A. Collectivisation... P. 455; Viola L. «Baby bunt» // Russian Review. 1986. Vol. 45. P. 23—42; Bonnell V.E. The Peasant Woman in the Stalinist Political Art of the 1930s // American Historical Review. 1993. Vol. 98. P. 55—82.
- 112 А.Романо любезно ознакомил меня до публикации с некоторыми тезисами своей диссертации, посвященной роли армии в коллективизации. См. также: Красная армия и коллективизация деревни...; Romano A. Contadini in uniforme. L'armata rossa e la collettivizzazione delle campagne. Firenze, 1999.
- 113 Бухарин, например, говорил Каменеву в июле 1928 г., что Сталин думает, будто он один может заставить крестьян смириться с чрезвычайными мерами («я один их смогу провести»). См.: Фельштинский Ю.Г. Конфиденциальные беседы Бухарина. С. 198.
- 114 Graziosi A. Collectivisation... Согласно официальной советской статистике, в июне 1928 г. насчитывалось 0,417 млн коллективизированных дворов; в октябре 1929 г. — 1,9 млн; в январе 1930 г. — 4,6 млн; в начале марта 1930 г. — 14,5 млн; в мае 1930 г. — 6,0 млн; в сентябре — 5,4 млн; в январе и июле 1931 г. — соответственно 6,6 млн и 12,8 млн; в июле 1932 г. — 14,9 млн; в июле 1933 г. — 22,5 млн; в июле 1934 г. — 23,5 млн.
- 115 Graziosi A. La conoscenza della realtà sovietica in Occidente: uno sguardo panoramico // Il mito dell'URSS / Ed. M.Flores, F.Gori. Milano, 1990. P. 157—172; Hilger G. Incompatible Allies. A Memoir History of German-Soviet Relationships, 1918—1941. New York, 1953. P. 162—163; Bundesarchiv. Abteilungen Potsdam. Dirksen Nachlass. 90. Di 1. № 51.
- 116 Данилов В.П., Ким М.П., Тропкина Н.В. Советское крестьянство, 1917—1969. М., 1970. С. 239; Davies R.W. The Socialist Offensive. The Collectivization of Agriculture, 1929—1930. London, 1980. P. 247; Hoffman D.L. Peasant Metropolis. Ithaca, 1994. P. 33—42; Земсков В.Н. Спецпоселенцы; Его же. Кулацкая ссылка в 30-е годы. О восстаниях см.: Rapports secrets soviétiques. P. 357; Красильников С.А.,

- Мамкин О.М. Восстание в Парбигской комендатуре. Лето 1931 г. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 128—138.
- 117 Rappports secrets soviétiques. P. 45; Kotkin S. Magnetic Mountain. Berkeley, 1995. P. 99.
- 118 Так, например, 8 сентября 1930 г. Политуправление армии информировало Москву, что «в армию идет массовый приток писем кулацкого характера с воплями о грабеже, с просьбами "защитить крестьянство, повернуть оружие против Советской власти"». См.: Красная армия и коллективизация деревни...
- 119 Раковский Х. На съезде и в стране // Бюллетень оппозиции. 1930. № 25—26. С. 9—32; Lewin M. The Disappearance of Planning in the Plan (1973) // Lewin M. Russia, USSR, Russia. P. 95—113; The Economic Transformation of the Soviet Union / Ed. by R.W.Davies, M.Harrison, S.G.Wheatcroft. Cambridge University Press, 1994. P. 166.
- 120 См., напр.: Осокина Е.А. За зеркальной дверью Торгсина // Отечественная история. 1995. № 2. С. 86—104. 11 ноября 1931 г. Политбюро утвердило детально разработанный план Сталина по созданию особого треста для добычи золота в районе Колымы. В те же месяцы Бубнов отбирал художественные ценности для продажи за рубеж.
- 121 Недавно изданные документы из «особой папки» Политбюро за период с середины 1931 до 1933 г. показывают всю меру этой одержимости. Советское руководство посвящало тогда львиную долю своего времени и внимания импортно-экспортным планам, вопросам валюты, внешней торговли и т.п.
- 122 Пожалуй, лучшим исследованием данного вопроса до сих пор остается: Lewin M. Taking Grain: Soviet Policies of Agricultural Procurements Before the War // Lewin M. The Making of the Soviet System. New York, 1985. P. 142—177. См. также: The Economic Transformation of the Soviet Union. P. 285—291; Документы свидетельствуют. С. 40.
- 123 Конечно, мелкие восстания, массовые беспорядки и отдельные акты насилия не исчезли окончательно. О них свидетельствуют, между прочим, списки лиц, смертный приговор которым утверждало Политбюро. 26 и 31 марта 1932 г. этот орган, например, санкционировал казнь нескольких «кулаков-бандитов» и главарей «кулацких восстаний». Список включает и середняка-единоличника Михаила Виничука. Во время руководимого им восстания были убиты 7 коммунистов, двое из них сожжены заживо. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 69—70.
- 124 На Дону с ноября 1932 по январь 1933 г. были исключены из партии 40 000 чел. На Кубани вычистили более 50% парт-

оргов в колхозах и 45% членов партии. На Украине к концу 1932 г. были сняты с должности почти 20% колхозных председателей. См.: Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в Союзных республиках. М., 1962. С. 54–55; Слинько И.И. Соціалістична перебудова сільського господарства України, 1927–1932. Київ, 1961. С. 289–291; D'Ann Penner. The Agrarian Strike of 1932–33 // Cahiers du monde russe. 1998. Vol. 1–2.

- ¹²⁵ Политуправление армии в своем рапорте Ворошилову о морально-политическом состоянии Красной армии в 1933 г. тоже говорило о «трудностях классовой борьбы, особенно на Северном Кавказе, Украине и Н.Волге». См.: Красная армия и коллективизация деревни...
- ¹²⁶ Graziosi A. Lettere da Kharkov. P. 157 ff. Английский перевод избранных донесений итальянских дипломатов можно найти в Приложении 2 к: Report to Congress of the Commission on the Ukrainian Famine. Washington, DC, 1988. P. 395–506. Французский см.: Cahiers du monde russe et soviétique. 1989. Vol. 30. Недавно на Украине были опубликованы два важных сборника документов: Голод 1932–1933 років на Україні. Очима историків, мовою документів. Київ, 1990; Колективізація і голод на Україні.
- ¹²⁷ Report to Congress... P. 74–75; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 109; Спецдонесение Политуправления УВО, 29/4–3/5/1932 // Красная армия и коллективизация деревни...
- ¹²⁸ РГАСПИ. Ф. 81 (Каганович). Оп. 3. Д. 99. Л. 144. Я располагаю сталинскими цитатами благодаря любезности Ива Коэна, приведшего переписку Сталина и Кагановича в своей работе: Des lettres comme action: Stalin au début des années 1930 vu depuis le fonds Kaganovič // Cahiers du monde russe. 1997. Vol. 3. P. 307–346. Эта переписка дополняет переписку Сталина и Молотова, опубл.: Письма И.В.Сталина В.М.Молотову, 1925–1936. Сборник документов. М., 1995.
- ¹²⁹ См.: Blum A. Naître, vivre et mourir en URSS. P. 102–103 (о кривой смертности). Стоит напомнить, что голод 1921–1922 гг. начался в мае – июне. Таким образом, два периода голода в СССР имеют разную хронологию, независимо от действий АРА во время первого из них. Одной из причин такого различия может быть засуха в 1921 г., однако этот вопрос заслуживает специального исследования.
- ¹³⁰ Население России в 1920–1950-е годы. М., 1994. С. 59–60; Osokina E.A. The Victims of the Famine of 1933: How Many? // Russian Studies in History. 1992. Vol. 31; Blum A. Naître, vivre et mourir en URSS. P. 95 ff.; The Economic Transformation of the Soviet Union. P. 57–80, 273–275;

- Араловец Н.А. Потери населения Советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения // Отечественная история. 1995. № 1. С. 135—146.
- ¹³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 38. Неудивительно, что резко упало качество хлеба, особенно того, что еще был в деревне, перед тем как трагедия достигла своей кульминации. Отчаявшиеся украинские крестьяне стали посылать солдатам образцы того, что им приходится есть (Красная армия и коллективизация деревни...). Любопытно, что я обнаружил несколько лет назад два таких образчика, сохраненных итальянским консулом в Харькове, в архиве Министерства иностранных дел Италии.
- ¹³² См.: Report to Congress...; Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror Famine. London, 1986; Голодомор 1932—1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Київ, 1995.
- ¹³³ Демографы пришли к выводу, что, учитывая имеющиеся данные, еще будет о чем поспорить в силу сравнительно широкой полосы погрешности. Однако характер и масштабы явления на сегодняшний момент ясны. См.: Livi-Bacci M. The Human Cost of Collectivization in the USSR // Population and Development Review. 1993. № 4. P. 743—766.
- ¹³⁴ Впрочем, недавно начали появляться и достойные сожаления образцы прошлых традиций и «стиля». См., напр.: Мерль С. Голод 1932—1933 годов — геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С. 49—61. Достойный и научный способ постановки тех же вопросов см.: Зеленін І.Е., Івницький Н.А., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н. О голоде 1932—1933 годов и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994. № 6. С. 256—262. Мое мнение, надеюсь, достаточно ясно выражено данным очерком, таково: хотя нельзя говорить о голоде, намеренно созданном, чтобы уничтожить украинскую нацию, однако нельзя и отрицать, что: 1) по крайней мере с 1919 г. в некоторых регионах СССР борьба между режимом и крестьянами (а также другими традиционными слоями населения вроде кочевников) приняла особенно ожесточенный характер в силу национальных, этнических и религиозных факторов; 2) Сталин прекрасно это понимал, как в результате непосредственного опыта, так и исходя из своих теорий о национализме и его корнях; 3) некоторые из этих регионов являлись также основными хлебородными центрами, что делало там конфликт особенно острым; 4) когда наступил голод, его использовали, чтобы «наказать» жителей регионов, сильнее всего сопротивлявшихся

политике режима; 5) неудивительно, что этими регионами часто оказывались вышеупомянутые национальные; 6) Украина была самым важным среди них (хотя Казахстан — тоже национальный регион — в сравнительном выражении пострадал сильнее всех); 7)-масштабы и концентрация голодных смертей на Украине, как и политика, проводимая режимом, делают голод 1932—1933 г. явлением, сравнимым, по крайней мере в Европе, лишь с последующими преступлениями нацистов; 8) объективно элементы российского империализма здесь присутствовали, особенно в глазах нерусского населения, страдавшего от беспощадной политики Москвы.

- ¹³⁵ Так, например, в марте 1933 г., предвидя крупные крестьянские восстания, Политбюро приняло решение немедленно отправить в лагеря заключенных, осужденных более чем на 2 года лишения свободы, содержавшихся в «опасных» местах, таких как Украина, Северный Кавказ и Центрально-Черноземный район. Оно наделило руководящую тройку Украинского ГПУ (Балицкий—Карлсон—Леплевский) правом «рассмотрения дел по повстанчеству и к.-р. с применением ВМСЗ» и приняло предложение ОГПУ по организации в Западной Сибири и Казахстане новых колоний еще на миллион спецпереселенцев. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 89—96.
- ¹³⁶ Хрущев Н.С. Высокая идейность и художественное мастерство // Правда. 1963. 8 марта.
- ¹³⁷ В мае 1931 г. резервный совнаркомовский запас зерна был использован для помощи украинским областям, пострадавшим от наводнения. Год спустя Южной Украине было передано 35 000 т пшеницы, уже лежавшей на складах местных портов и готовой к отправке на экспорт (правда, неясно, дошла ли она до деревни или предназначалась для того, чтобы кормить городское население). См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 43; Д. 12. Л. 132. Недавно были опубликованы интересные данные о запасах зерна: Davies R.W., Tauger M.B., Wheatcroft S.G. Stalin, Grain Stocks, and the Famine of 1932—33 // *Slavic Review*. 1995. № 3. P. 642—657. К сожалению, статью портят аргументы, рассчитанные на внешний эффект, и увлеченность полемикой прошлого.
- ¹³⁸ Цитата переведена по: Marcucci L. Il commissario di ferro di Stalin: biografia politica di Lazar M. Kaganovič. Torino, 1997. Однако Маркуччи не мог пользоваться недавно появившимися материалами из Архива Президента РФ, включающими — среди прочего — несколько дел, относящихся к миссии Кагановича на Украине и Северном Кавказе в 1932 г. (Ф. 81. Оп. 3. Д. 214—216).

- 139 А. Романо и Н. Тархова публикуют соответствующие документы в цитированном сборнике. Невольно вспоминается имя Аракчеева.
- 140 Здесь я, по-видимому, был неправ. Согласно последним исследованиям, первоочередной целью введения паспортной системы был контроль над городским населением, дабы очистить его от нежелательных элементов в настоящем и поставить заслон против нового их наплыва в будущем. См., напр.: Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932—1976) // Социологические исследования. 1995. № 8—9; Moine N. Passportisation, statistique des migrations, et contrôle de l'identité sociale // Cahiers du monde russe. 1997. Vol. 4; Чернолуцкая Е. Н. Паспортизация дальневосточного населения (1933—1934) // Revue des études slaves. 1999. Vol. 1 — и прежде всего следует упомянуть готовящуюся к печати диссертацию Г. Кесслера (Европейский университетский институт, Фьезоле), уже изложившего некоторые свои гипотезы по поводу паспортизации на конференции «Роль политической полиции в истории СССР, 1918—1956» (Париж, май 2000 г.), материалы которой будут опубликованы «Cahiers du monde russe».
- 141 Цитата переведена по: Rapport de l'Instructeur du Comité exécutif central Brouk sur la préparation de la campagne de semailles dans la région du Don // Rapports secrets soviétiques. P. 155.
- 142 Graziosi A. Lettere da Kharkov. P. 192—194. Плохое издание германских дипломатических документов см.: Die ukrainische Hunger-Holocaust / Hrsg. von D. Zlepko. Sonnenbühl, 1988.
- 143 Lewin M. Taking Grain. P. 173—177.
- 144 Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 146.
- 145 Rapports secrets soviétiques. P. 162—166. Конечно, решающую роль в подобной перемене отношения сыграла и победа в войне. В довоенные же годы власть сталинского культа над каждым последующим поколением советской городской молодежи становилась сильнее по причинам, не зависящим от событий, которые мы рассматриваем. О голоде 1946—1947 гг. см.: Зима В. Ф. Голод в России 1946—1947 годов // Отечественная история. 1994. № 1. С. 35—52; Его же. Голод и преступность в СССР, 1946—1947 гг. // Revue des études slaves. 1994. № 4. P. 757—776.
- 146 Я не отрицаю реальности сталинской «модернизации», но суть ее невозможно понять без учета контекста, в частности войны, картину которой я попытался набросать в данном очерке. Если осознать это, тот факт, что подобная «модернизация» вскорости вызвала политический регресс в сторону деспотизма

- давно прошедших дней, перестает удивлять. Необходимо помнить также, что особенности советской модернизации сделали ее весьма своеобразной и впоследствии (я рассматриваю этот вопрос в своей книге: *A New, Peculiar State*. P. 46–58).
- 147 По этим причинам гипотеза аграрного деспотизма меня не убеждает. Сталинский деспотизм на самом деле стал последствием решения объявить войну крестьянству, дабы построить индустриальное общество нового, особенного типа.
- 148 В более общей перспективе этот процесс может рассматриваться как неотъемлемая часть той «криминализации» всего советского общества, о которой я упоминал, говоря о влиянии коллективизации на широкие слои населения.
- 149 Werth N. *Une source inédite*. P. 27.
- 150 Graziosi A. *Stalin's Antiworker «Workerism»*. P. 244–245, 253–255. О рождении книги Толстого см. также: Nivat G. *La genèse d'un roman historique soviétique: Pierre Le Grand d'Alexis Tolstoi // Cahiers du monde russe et soviétique*. 1961. Vol. 1. P. 37–55.
- 151 Недавно обнаруженные его письма 1934–1935 гг. позволяют предположить, что к тому моменту Горький по крайней мере отчасти осознал ошибочность своей оценки личности и политики Сталина.
- 152 О сложности и парадоксах «мифотворчества» тех лет свидетельствует тот факт, что и правые, антибольшевистски настроенные казаки в 1917–1918 гг. притязали на роль наследников предводителей великих восстаний. Каледин, например, использовал для подавления местных бунтов против его власти отряд, называвшийся «Степан Разин». См.: Holquist P. *A Russian Vendée*. P. 145.
- 153 Пастернак Б. Доктор Живаго. С. 379.
- 154 Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. New York, 1994.
- 155 Lewin M. *The Kolkhoz and the Russian Muzhik // Lewin M. The Making of the Soviet System*. P. 178–190.
- 156 Graziosi A. *Collectivisation...* P. 547.
- 157 Majstrenko I. *Vorot'bism*. P. 209–212. Курсив мой.
- 158 Прошу прощения у тех из русских читателей, кто уже видел эти слова в конце моей книги «Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы». Две эти книги я писал практически одновременно, размышляя над одними и теми же вопросами. Поскольку одна из них должна была быть опубликована в Соединенных Штатах, а другая — в России, я счел возможным использовать одинаковые фразы, чтобы привлечь внимание читателей к одной и той же проблеме.

Содержание

Введение	5
<i>Часть первая. ФОН.</i>	9
<i>Часть вторая. УВЕРТЮРА, 1917</i>	13
<i>Часть третья. АКТ ПЕРВЫЙ,</i> 1918 – 1922	18
<i>Часть четвертая. ИНТЕРЛЮДИЯ</i> (ПЕРЕМИРИЕ), 1922 – 1927.	38
<i>Часть пятая. АКТ ВТОРОЙ И ПОСЛЕДНИЙ,</i> 1928 – 1933	45
Несколько слов в заключение	67
Примечания.	74

Андреа Грациози

**ВЕЛИКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В СССР.
Большевики и крестьяне. 1917 – 1933**

Художественное оформление *А. Сорокин*
Технический редактор *В. Юрченко*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 5.01.2001
Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 5,82. Тираж 2000 экз. Заказ № 173

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71
Тел/факс 181-34-57 (отдел реализации)

ГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14